

ОСТАП

СТУЖЕВ

КАРАДАГСКИЙ
ЗМЕЙ

Остап Иванович Стужев

Карадагский змей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74660841

Карадагский змей:

ISBN 978-5-370-05757-1

Аннотация

Что, если Карадагский змей существует ровно настолько, насколько вы в него верите? Остап Стужев проводит смелый эксперимент на стыке науки и мистики, где квантовая физика объясняет древние легенды, а технологии ближайшего будущего становятся детективной загадкой. Три фантастические повести сборника заставят вас усомниться в границах возможного – от черноморского дракона в суперпозиции до передачи тактильных ощущений на расстоянии.

Поклонники «Золотых пилигримов» оценят восемь рассказов – глубинное погружение в прошлое любимых героев, где раскрываются их неожиданные тайны и мотивы. А пронзительная повесть «Выбор» докажет: иногда реальные драмы профессиональных спортсменов превосходят любой вымысел по накалу страстей.

Этот сборник – идеальный старт для знакомства с многогранным талантом О. Стужева: здесь и научная фантастика с детективной интригой, и психологические прорывы, и даже

авторские переводы испаноязычной классики. Книга, после которой вы будете искать квантовую магию в обычной жизни!

Содержание

От автора	6
Карадагский змей	10
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Остап Стужев

Карадагский змей

© Стужев О., 2026

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Омега-Л», 2026

От автора

Читатель! Если ты держишь в руках этот сборник рассказов, взяв его с книжной полки в магазине, то нам обоим крайне повезло. И, прежде чем ты примешь решение, взять его с собой и полистать на досуге или положить обратно, позволь мне сказать несколько слов об этих рассказах и переводах. Каждый из них имеет свою собственную историю создания и предназначения. Так, восемь рассказов, обозначенные мной как «предварительные рассказы», задумывались в рамках пиар-акции к моему второму роману «Золотые пилигримы». Не знаю, открою ли я большой секрет, признавшись, что писал их не до, а после завершения работы над «Золотыми пилигримами». В этих рассказах живут полной жизнью как главные, так и второстепенные персонажи. Сюжетная линия очень отдаленно соприкасается с действием, разворачивающимся в «Золотых пилигримах», и, по мнению многих литературных критиков, они являются обособленными художественными произведениями.

В силу специфики своего предназначения почти все «предварительные рассказы» уже публиковались в журналах и периодических изданиях, таких как «На Рублевке», «Литературный вестник», «Московский литератор» и др. Рассказы «Маша и Надя» и «Trigger happy» неожиданно оказались в номинации премии «Писатель года», учрежденной Союзом

писателей России. Одним словом, я полюбил эти рассказы и решил собрать их в одном издании, чтобы все значимые и не очень герои «Золотых пилигримов» смогли побыть вместе еще раз.

Принимая во внимание все более растущий интерес к квантовой механике и квантовой теории, что, как ни странно, отнюдь не одно и то же с точки зрения современной физики, я отважился написать несколько повестей в жанре научной фантастики. Короткие повести «Карадагский змей» и «Космический вихрь», возможно, перегружены формулами и расчетами, но зато смогут значительно расширить общее представление о мире элементарных частиц.

Самая короткая повесть из раздела фантастики, «Хаптика-Астра», имеет свою, отличную от других вошедших в сборник произведений, историю замысла. В начале осени 2023 года один из довольно крупных телеграм-каналов попросил меня дать комментарии к «Алфавиту будущего», выпущенному РБК к своему тридцатилетию. По замыслу его создателей, каждой букве алфавита соответствовало понятие, которое через тридцать лет войдет в обычную жизнь, так же как это сделали смартфоны и прочие гаджеты, сделавшие жизнь современного человека весьма непохожей на жизнь его ближайших предков. Как легко догадаться, букве Х соответствовала наука хаптика, изучающая тактильные чувства, возникающие у нас при соприкосновении с тем или иным предметом. Утверждалось, что через тридцать лет уче-

ные найдут способ передачи этих ощущений на расстояние, так же как изображение или звук. С этим можно было поспорить, так как звук и изображение передаются на расстояние и без всяких девайсов, но я не стал спорить, а как смог развил эту идею, придав ей несколько эротическую коннотацию. Кстати, именно поэтому «Хаптика-Астра» – единственное из всех произведений, нигде до этого сборника не опубликованное. Подлинная реальность описываемых событий в этом фантастическом рассказе можно считать в известном смысле парадоксом.

Совершенно отдельно стоит повесть «Выбор», которая выходила частями в журнале «Мир Дзюдо». Разделение ее на четыре главы, каждая со своим эпиграфом, обусловлено именно этим обстоятельством. В произведении «Выбор» не найдешь легкого стеба (довольно привычного для моих рассказов) над окружающей действительностью. Там все очень серьезно, речь идет об очень важных вещах. В чем-то нравственные принципы, исповедуемые главными героями «Выбора», перекликаются с теми чувствами, которые живут в душе поэта Элутерио Мирандо, протагониста переведенного мной с испанского языка произведения Леопольда Аласа Гарсии (Кларина) «Заменивший».

В сборнике представлены произведения, порой диаметрально противоположные по восприятию добра и зла в их описании и трактовке. Писателей много, книг еще больше, и только ты, читатель, один во всей нашей литературной все-

ленной решаешь их судьбу, предаешь забвению или делаешь их знаменитыми. Если ты дочитал до этих строк, то я уже благодарен за внимание к моим письмам и моей далеко не скромной персоне.

Искренне ваш, О. Стужев

Карадагский змей

Фантастическая повесть

«Как идешь куда-нибудь, почаще оглядывайся – смотри назад; как дорога покажется, такой она и на обратном пути казаться будет, и тогда никогда не ошибешься».

Наставление, данное разведчиком-бурятом барону Врангелю.

Из книги «Очерки Русско-японской войны. 1904 г.» П. Н. Врангеля

Начать нашу историю можно со дня летнего солнцестояния две тысячи восемнадцатого года от Рождества Христова, а можно, отступив всего на пару месяцев назад, приступить к рассказу, повторив библейскую истину *«В начале было слово»*.

Именно о слове, данном им в тесном кубрике тихоокеанского эсминца, думал сейчас Саня Ушаков, глядя в окно поезда дальнего следования «Москва – Симферополь», медленно приближавшегося к пункту своего назначения. Нельзя сказать, что оно, это слово, сильно его тяготило, но и поездка, спланированная им и его товарищами по службе тогда, за несколько дней до дембеля, казалась ему теперь отнюдь не своевременной. Желание попить крымского вина и поваляться на песчаных пляжах Коктебеля, казавшееся та-

ким естественным и разумным на борту железной громадины, грозно покачивавшейся на тихоокеанской волне, довольно быстро поблекло на фоне расстояний и новых перспектив.

Тем не менее слово старшего матроса из команды боевых пловцов тихоокеанского военного флота взять обратно было никак невозможно. Покончив с формальностями в военкомате родного Нерчинска, небольшого городка в Забайкальском крае, Александр Ушаков выпил водки с отцом, обнял мать и, купив билет на самолет, улетел в Москву. Размышляя о поездке в Крым, он несколько раз пытался найти отговорку для своих друзей, в первую очередь для Севы Маслова, так же, как и он, отслужившего срочную и дембельнувшегося вместе с ним. Хотелось сказать, что ему надо как-то определиться в дальнейшей жизни, к примеру, получить гражданскую профессию, но, заранее зная Севин ответ на этот счет, Саня решил мотнуться туда-обратно, сократив отдых до одной недели.

Выйдя на перрон, Ушаков сразу увидел спешившего ему навстречу Севу в сопровождении еще троих моряков, парней спортивного телосложения с характерными для пловцов «дельтами», выделявшимися под новенькими теннисками.

– Саня, чего такой бледный? – заключая его в объятия, приступил к привычному троллингу Володя Башкирцев, его напарник и вечный соперник.

– Укачало его в спальном вагоне, – заржал от своей собственной шутки Женя Коротич, закончивший службу стар-

шиной первой статьи, чем крайне гордился, хотя и старался не показывать виду.

– Да, судя по вашему благородному загару, вы тут зря времени не теряли, – обнимаясь с каждым по отдельности, заметил Ушаков. – А где остальные? Трубач и Шницель, они мне звонили, говорили, что приедут, – спросил он Севу, закончив с приветствиями.

– Через два часа должны прилететь. Ты один, кто поездом, – ответил ему третий из сопровождавших Севу.

Его звали Егор, фамилия Иноземцев, помимо специальности боевого пловца, он был знаком с радиосвязью и шифрованием. Статус Иноземцева был сейчас не очень ясен. Ходили слухи, что он завербовался на сверхсрочную, а кое-кто даже таинственно намекал на его связи с контрразведкой.

Погрузившись в выдавший виды минивэн, друзья, весело обсуждая перспективы предстоящего вечера, рванули в аэропорт. Жара понемногу начала спадать. Низкое закатное солнце слепило глаза каждый раз, когда маленький автобусик поворачивал в сторону запада.

– Сколько отсюда до твоего дома? – спросил Ушаков Севу, который в своих темных очках чем-то походил на киборга из фильма про восстание машин.

– Спешишь на нудистский пляж? – не упуская возможности подколоть товарища, влез в разговор полулежащий на заднем сиденье Володя Башкирцев.

– До захода солнца точно не успеем. Предлагаю сегодня

просто посидеть, отдохнуть с дороги, а завтра уже начнем отрываться по полной, – пропустив реплику Башкирцева мимо ушей, подвел итог Сева Маслов.

Забрав в аэропорту прилетевших одним рейсом из Пензы Трубача и Шницеля, друзья взяли курс на Коктебель. Дорога, петлявшая среди гор, была забита попутными и встречными машинами. Живописная днем, сейчас она производила довольно тягостное впечатление. Заторы, возникавшие непонятно отчего, сильно уменьшали скорость движения. Вновь прибывшие жаловались на голод, и никакие шутки по поводу склонности Шницеля к обжорству не помешали ему найти сторонников в предложении перекусить в придорожном кафе. После импровизированного ужина трафик на дороге уменьшился, и минивэн плавно мчался вперед, накручивая новые и новые километры на свои старенькие колеса.

Дом с палисадником, где жил Сева с самого первого дня своего рождения, казался настолько типичным, что у Александра, да и остальных членов компании, случилось дежавю. Стол, стоявший в левом углу двора, был помещен как бы под навес из переплетенных ветвей еще не созревшего винограда.

Под скамейками вдоль стола был насыпан мелкий гравий, между которым там и сям пробивалась сорная трава.

– Вот, Шницель, из-за тебя придется ужинать еще раз, – весело объявил хозяин дома, ставя на стол бутылки с вином, фрукты и какие-то пакеты из местного магазина.

– Слушай, братан, а ты вроде нам рассказывал там, на Тихом океане, что здесь девушки ходят голышом и нет никаких проблем с ними познакомиться. Только я пока ничего подобного не наблюдаю! – произнес Трубач, обращаясь к Се-ве Маслову. Словно ища поддержки своим словам, он обвел взглядом остальных.

– Так... Вася, а тебе, значит, за две недели после демобилизации так и не удалось оскоромиться? – поинтересовался Женя Коротич, который гордился не только званием старшины первой статьи, но и умением оперативно делать правильные выводы при минимальном количестве информации.

– Удалось, не удалось, все это детали, тебя не касающиеся, – огрызнулся Трубач, невольно задетый замечанием старшины.

Прозвище «трубач» прилипло к парню из-за детского фильма «Васек Трубачев и его товарищи», но в прямом общении его, в отличие от Шницеля, никто не решался дразнить. У Васи был первый разряд по боксу, и он не сильно переживал, если в процессе дискуссии у кого-то появлялся синяк под глазом. В силу своей привычки сглаживать острые углы, помноженной на указанные выше обстоятельства, Коротич не стал развивать затронутый им же сюжет.

– Всему свое время, – обнадежил своих друзей Сева. Он вместе с Володей Башкирцевым и Сашей Ушаковым заканчивал приготовление к полуночной трапезе.

Вскоре после того, как все дружно уселись вокруг сто-

ла, исчезли даже те невидимые оттенки неузнавания и словно нового привыкания друг к другу, возникшие за прошедшие две недели. Стали поступать предложения поехать в какой-нибудь ночной клуб или на дискотеку. Время бежало незаметно. Постепенно яркие звезды, разбросанные по крымскому небу, стали тускнеть, словно растворяясь в предрассветной синеве. Кто-то из ребят напомнил остальным, что они выбрали этот день для сбора в Коктебеле именно по причине самой короткой ночи.

Предложения встретить рассвет на пляже немедленно посыпались со всех сторон. Ушаков с Башкирцевым первыми поднялись со скамейки и собирались уже пойти к морю, когда Сева Маслов, взглянув на наручные часы, остановил их.

– Рассвет наступит только через семьдесят восемь минут, нам следует переждать час Карадагского змея, – неожиданно заявил он.

– Ты чего пил-то? – возмутился Егор Иноземцев и, обращаясь к остальным, поспешно добавил, что просто следует немного прибраться, а на пляж для встречи рассвета они так и так успеют.

– Нет-нет, пусть он расскажет, что за змей! – закричал Шницель.

Всем стало очень смешно и весело, каждый наперебой выдвигал свою версию мотива Севиного заявления. Башкирцев потянул Саню Ушакова за рукав, предлагая, не дожидаясь остальных и не вступая в споры, пойти к морю – попла-

вать и освежиться. Ушаков хотел было послушать его, но, перехватив взгляды Севы Маслова и Егора Иноземцева, остановился. Его поразило выражение их лиц. Они были такие разные! Испуганное и виноватое у их общего Амфитриона и презрительно-злое у Егора Иноземцева, самого молчаливого и скрытного из всей собравшейся сегодня семерки моряков. словно проблеск далекого маяка на туманном горизонте, промелькнула какая-то мысль и, так и не оформившись в логическое заключение, приобрела форму утвердительного вопроса.

– Почему ты раньше не рассказал нам про змея? – Ушаков смотрел то на Севу, то на Егора, стараясь уловить малейшие изменения в их лицах.

– Зачем? Чтобы вместо продолжения службы провести время в одной палате с Наполеоном Бонапартом и Александром Македонским? – как-то совсем по-другому, чем всего минуту назад, заговорил Сева Маслов. Было видно, что ему тяжело от какого-то напряжения, терзавшего его все это время. Он вернулся за стол, сев рядом с Егором Иноземцевым и словно ища в нем поддержку.

– Слушайте, в каждом селе есть своя история про лешего или утопленницу, – вновь вступил в разговор Женя Коротич. – У нас, к примеру, в Рязани грибы с глазами... Их едят, а они глядят!

– Это разные вещи, – возразил Башкирцев, стоя рядом со своим неизменным напарником Саней Ушаковым. Работав-

шие всегда в одной связке, они научились без слов понимать и выбирать правильное направление.

– Да нет никакого змея, чего вы в самом деле?! Мы так точно рассвет пропустим, – сказал Иноземцев, толкая Севу под локоть, словно призывая повторить свои слова.

– Все, идем! – скомандовал Трубач. Он давно топтался, заскучав от ненужной, по его мнению, словесной перепалки.

– Да, помчались, – согласился Шницель, торопливо укладывая все, что оставалось на столе, в большую холщовую сумку.

* * *

Дорога до пляжа заняла не более пятнадцати минут. Из всех звезд, неустанно светивших всю прошедшую ночь, на светлеющем небе оставалась лишь одна, да и та была на самом деле не звездой, а Венерой, одной из самых загадочных планет солнечной системы. Хорошо разбирающийся, помимо радиосвязи, шифрования и разных там шпионских штук еще и в навигации, а следовательно, знакомый и с астрономией, Егор Иноземцев хотел было озвучить этот пассаж с утренней звездой, названной так в честь римской богини, надеясь вселить больше оптимизма в неудачливого в любовных делах Трубача. Однако в последний момент, расстроенный болтливостью Севы, Егор промолчал. Все его мысли сейчас были заняты вопросом, повлияет ли слишком раннее узна-

вание Ушаковым и остальными моряками о существовании загадочного змея на реализацию порученных ему задач.

К огромному удивлению ребят, они не были первыми на пляже. Несколько девушек, к глубокому сожалению Трубача и Шницеля, все еще одетых в купальники, расстилали свои полотенца на песке.

– Что так припозднились? – смеясь, крикнула одна из них.

– Змей давно уплыл, можете купаться! – сообщила ее подруга.

Смущенно переглядываясь, но разумно рассудив, что от добра добра не ищут, а девичьи шутки и подколки только помогают ускорить знакомство, парни решили расположиться рядом. Забывший, что здесь он не старшина, Коротич принялся было определять, где кому загорать, но Ушаков с Башкирцевым вернули его в реальность вежливо, но твердо.

– Приглядывай за Шницелем, не дай гиганту оставить нас без обеда, – посоветовал ему Саша Ушаков.

Башкирцев и он сняли джинсы и тенниски и, завернувшись в полотенца, кое-как поменяли трусы на плавки. Подойдя к самой кромке воды, которая ласковыми волнами, словно нехотя, накатывала на песок, они просто наслаждались вольной жизнью. Стоя так на берегу, они как будто только и ждали, когда же бросятся в воду и поплывут, стараясь обогнать один другого по укоренившейся привычке соперничать всегда и во всем, если только это не мешает службе. Ушаков и Башкирцев, не отрываясь, смотрели вдаль и все же

пропустили момент, когда все вокруг изменилось. Да и трудно их в этом винить. Все произошло в мгновение ока, так, словно не грозовые тучи закрыли радостно поднимающееся солнце, а неведомый великан, ожесточенный в своей ненависти ко всему прекрасному, накрыл гору Кара-Даг и прилегающие к ней бухты и пляжи своим черным плащом. Налетевший ветер погнал волну, и вода, прирученным зверьком секунду назад игравшая у ног моряков, залила большую часть пляжа. Природная аномалия продлилась, несмотря на свою яростную силу, совсем недолго. Среди выброшенных на песок водорослей и всякого мусора отчетливо выделялось несколько туш дельфинов, мокрой кожей поблескивавших на вновь появившемся солнце.

– Надо закинуть их обратно в море, – сказал Саня Ушаков своему товарищу.

– Они мне кажутся мертвыми, – ответил Володя Башкирцев, тем не менее вместе с Ушаковым направляясь в сторону лежавших на песке дельфинов.

Оба шли быстрым шагом, пока впереди не раздался визг девушек, подошедших раньше них к морским млекопитающим. Не сговариваясь, Ушаков и Башкирцев перешли на бег. Картина, представшая перед ними, могла вызвать оторопь и шок у любого человека, не привыкшего смотреть смерти в глаза. Все до одного дельфины были мертвы. У каждого брюшная часть казалась выкушенной гигантской пастью неведомого пресмыкающегося.

Сидевший на корточках возле туши самого крупного из дельфинов Егор Иноземцев медленно, словно пытаясь утешить умирающего, а не погибшего, водил ладонью по мясистым краям огромной раны, черневшей на месте живота. Он аккуратно обходил пальцами острые края перекушенных ребер, белыми островками торчащих из разорванной плоти.

– Их, наверное, объели крабы, – словно размышляя вслух, заявил Иноземцев подбежавшим Ушакову и Башкирцеву.

– Егор, хорош гнать пургу, – резко одернул его стоявший рядом старшина Коротич. – Рыбы только что погибли. Им просто выжрали животы вместе с кишками, – продолжил он, обращаясь уже ко всем присутствующим.

– Дельфины не рыбы, а животные, – немедленно влез в разговор Сева Маслов.

– Поговорим позже, – нехотя признавая очевидность довода старшины, произнес Егор Иноземцев.

– Хорошо, – согласился с ним Женя Коротич, обводя взглядом начавшую собираться вокруг них толпу из прибывавших отдыхающих.

Многие из людей на пляже, словно свидетельствуя в пользу Севиных посулов, действительно не пользовались купальными принадлежностями. При этом Трубач ощутил больше разочарования, чем радости. Подавляющая часть нудисток обладала некрасивыми телами и не представляла никакого сексуального интереса. На мужскую часть этого сообщества Трубач просто не обращал никакого внимания, так как был

психически здоров и морально устойчив. Быстро сообразив, что лучше красивая девушка в купальнике, чем некрасивая тетка голышом, он полностью переключился на утешение одной из девушек, наиболее впечатленной случившимся с дельфинами. Ее звали Нина. И Трубач, по-братски приобняв ее за плечи, повлек прочь от людского скопления, в сторону Шницеля, который, спасая холщовый мешок с едой, сидел на лавочке подальше от моря.

Тем временем толпа зевак, обступивших мертвых дельфинов, становилась все больше и оживленнее, пока не слышался звук мотора небольшого трактора, тащившего за собой довольно объемный прицеп. Приехавшие работники санитарной службы, не вступая в дискуссии и не давая объяснений, ловко побросали туши в кузов, словно делая это не в первый раз, подняли борта и с металлическим лязгом закрыли задвижки. Все было кончено в течение десяти минут. На песке не осталось ничего, кроме подгнивших водорослей и следов тракторных протекторов. Люди стали расходиться. На дальнем конце пляжа слышался смех и несколько пар играли в волейбол. Не будь Саша Ушаков лично свидетелем всего произошедшего, он никогда не поверил бы в правдивость подобной истории.

– Пойдем послушаем Егора и Севу, какая-то лажа с этим змеем, – предложил Башкирцев.

– Слушай, мне все равно, побуду здесь неделю, и обратно в Москву. Надо как-то жизнь устраивать. Пляж хорошо, де-

вушки хорошо, вино хорошо, но делу время, потехе час, – лениво потягиваясь, ответил Ушаков, ища глазами остальных своих товарищей.

– Да вон они, Трубач наше вино барышням разливает! – перехватив взгляд друга, воскликнул Володя Башкирцев.

– Да пусть хоть все разольет, я пока пас. Утро, еще поплавать хотел. Ты как?

– Присоединяюсь. Хватит бухать.

– Вот наша гордость! Лучшие боевые пловцы Тихоокеанского флота, – полушутя, полусерьезно представил девушкам Ушакова и Башкирцева уже захмелевший от вина Трубач.

– Ты поймаешь мне змея? – спросила Нина, обращаясь почему-то только к Сане Ушакову.

– Так, смотрите, остальных девчонок зовут Марина, Катя, Аня и еще раз Катя, – почувствовав неладное, поспешно заговорил Трубач, который рассчитывал оставить Нину за собой.

Она и вправду выделялась среди подруг какой-то животной грацией, теми неуловимыми и необъяснимыми пропорциями, создающими неземную красоту женского тела.

– Пойдем поймаем ей змея, – предложил Башкирцев, стараясь встретить ускользающий от него взгляд Нининых глаз. – Я видел, в том конце пляжа есть клуб дайверов, – добавил он, невольно почувствовав укол ревности по отношению к Ушакову. Трубача, славившегося своими неудачами в

поисках избранницы, он сразу сбросил со счетов.

– Идите и принесите нам чудовище на ужин, – подал голос Шницель.

Одна из Катерин, то ли номер один, то ли номер два, такая же склонная к полноте, как и он, однако весьма симпатичная, уже сделала свой выбор, и они, обнявшись, пили «Мас-сандру» из одного пластмассового стаканчика.

* * *

Возле проката оборудования для дайвинга стояла немногочисленная группа любителей, ожидавших, когда инструктор проверит их снаряжение. Сегодня они собирались отправиться на катере, понырять в одну из ближайших бухт, где водились рапаны. Каждому хотелось добыть раковину наподобие тех, что в изобилии продавались на местном рынке. Инструктор, молодой белобрысый парень, явно посещающий зал для культуризма, с гордостью демонстрировал свои бицепсы, при каждом удобном случае напрягая их, перекладывая с места на место баллоны со сжатым воздухом. Ему не хватало в группу несколько человек, и он тянул время, не желая упустить возможность полностью использовать разрешенный катеру потенциал вместимости пассажиров.

Предложение Александра Ушакова выдать им баллоны и оборудование, не включая их в общий состав экскурсантов, инструктору показалось отнюдь не выгодным, и, изобразив

на лице привычную хамоватую улыбочку, парень им отказал, ссылаясь на необходимость предварительного инструктажа и сдачи соответствующих нормативов. Увязавшиеся за ними Марина и Катя номер два прыснули в ладошки, обрадованные, что теперь у этих ребят поубавится самоуверенности и они, вместо того чтобы спешить выполнять Нинкины капризы, обратят внимание на них, милых и симпатичных простушек, готовых составить им компанию без всяких условий и претензий. Ожидавшие команды идти на катер дайверы, также слегка задетые нежеланием Ушакова и Башкирцева присоединиться к их коллективу, подчеркнуто прилежно продолжили заниматься последними приготовлениями. Инструктор, довольный представившейся возможностью показать окружающим свое могущество, демонстративно отвернувшись от смотревших на него с недоумением Ушакова и Башкирцева, пересчитывал пустые баллоны. Ситуацию спас Сева Маслов. Подойдя к вагончику проката вместе с Иноземцевым и Коротичем, он по-приятельски поздоровался с инструктором, который, не узнав его в первое мгновение и приняв за подкрепление в команде чужаков, приготовился к словесной перепалке. Но когда он посмотрел в сторону обращавшегося к нему Севы, выражение его лица немедленно изменилось. Широкая радостная улыбка растянула рот, казалось, от одного уха до другого. Пообнимавшись с Масловым и пожав руки представленным сослуживцам, инструктор, добродушно ворча, что следовало сразу сказать, что они

от Севы, выдал им два комплекта оборудования.

– Только имейте в виду, – сказал он, обращаясь к Ушакову с Башкирцевым, – оборудование старое и воздуха хватит меньше чем на час. Пошли со мной, с катера удобнее погружаться.

– Нам в другую сторону, извини, спасибо за предложение. Мы пойдем вплавь до того места, где начнем погружение, – ответил Володя Башкирцев, расправляя лямки жилета.

– Для них десять километров с пятьюдесятью килограммами веса это так, утренняя разминка, – пошутил Сева.

Договорившись пересечься вечером, инструктор и Сева Маслов еще раз пожали руки, и каждый вернулся к своим делам.

* * *

Глядя то на удалявшихся от берега Ушакова и Башкирцева, то на Трубача, пытавшегося вернуть расположение капризной Нины, Егор Иноземцев мысленно не переставал креститься. Ночная болтовня Севы, который не сумел сдержать язык за зубами, могла свести на нет весь смысл продуманной и спланированной операции. А ведь Маслову неоднократно давались четкие указания, и не только Егором, но и людьми куда поглавнее и поопаснее его. Упоминание змея, столь преждевременное и сделанное так не к месту, могло поставить Ушакова и Башкирцева в «позицию наблюдате-

ля», чего категорически не следовало допускать, согласно установкам, сделанным загадочным человеком во время инструктажа Егора Иноземцева в Управлении военной контрразведки флота.

«Смотри, Егор, – говорил ему тогда человек в форме капитана второго ранга, – ты уже неплохо справился с началом проекта, создав все условия для принятия твоими друзьями приглашения Всеволода Маслова на отдых в Крыму. Твоя задача – сделать так, чтобы лучшие боевые пловцы Ушаков и Башкирцев днем и ночью искали этого загадочного змея. Однако, и это главное, они не должны отдавать себе отчет в государственной важности этого кейса. И знаешь почему? Есть такая английская поговорка, *a watched pot never boils*¹. В нашем случае, возможно, именно здесь кроется причина, по которой мы, наблюдая за Карадагским змеем с помощью самого высокотехнологического оборудования и зная наверняка о существовании этого аномального явления, не можем его засечь. В квантовой механике известен парадокс, когда элементарная частица, подвергающаяся наблюдению, ведет себя иначе, чем та, за которой никто не смотрит. Сейчас, несмотря на то что ты пользуешься нашим доверием и я разговариваю с тобой не просто как с рядовым матросом, а как с будущим офицером военной контрразведки, рассказать и объяснить тебе все я пока не имею права. У тебя есть на все пара недель, но никто и никогда не должен даже мельком по-

¹ Если смотреть на чайник, он никогда не закипит (*англ.*).

думать о твоей связи с нашим ведомством».

Месяц назад, за семь тысяч километров от того места, где Егор Иноземцев находился в данную минуту, ему все показалось довольно просто и легко. Сомнений в том, что, прийдя на пляж, Ушаков и Башкирцев бросятся искать подводное чудовище, у Иноземцева не было. А вот то, что захмелевший Сева Маслов начнет болтать о змее раньше времени, Егор предположить никак не мог.

Решив для себя быть более внимательным и не упускать из виду самые незначительные детали, Иноземцев одновременно думал, как им отвязаться от назойливого Коротича, насевшего на Севу с вопросами. Французское выражение «*cherche la femme*»²употребляемое, как правило, для объяснения мотивов поведения мужских персонажей при загадочных обстоятельствах, спасительной искоркой промелькнуло у него в голове. В текущем моменте скучающая «*meuf*»³Анечка, в отличие от двух Кать, Марины и Нины, так и не определившаяся с кавалером, одиноко прогуливалась по кромке мокрого песка.

– Слышь, Коротич, – сказал Иноземцев, толкая его своим костистым кулаком в плечо и показывая рукой в сторону Ани, – смотри, какая девушка! Иди, пользуйся моментом.

– Эка невидаль, голая русалка на нудистском пляже! – ответил тот. Статус командира отделения, после демобилиза-

² Ищите женщину (*фр.*).

³ Телочка (*фр.*).

ции оставшийся навсегда в прошлом, мешал Жене Коротичу влиться в коллектив на правах рядового члена.

– Невидадь не невидадь, а могу с тобой поспорить, что Трубача сейчас отошлют в пользу Сани Ушакова с его фигурой античного бога, после чего голодный и злой Трубач переметнется на беззащитную и нагую Анну. Так что ты рискуешь остаться с носом, командир, – не преминул подколоть его Иноземцев.

– Не стоит драматизировать. Хочешь, я расскажу тебе все, как будет? – незаметно для себя отвлекаясь от Севы Маслова и загадочного змея, предложил Женек.

– И мне сразу расскажи! – почувствовав ослабевающую хватку Коротича, Сева Маслов немедленно воспрял духом.

– Слушайте и запоминайте! – торжественно промолвил старшина Коротич.

Поднявшись с корточек, он разгладил ступней правой ноги песок и, снова опустившись вниз, вывел указательным пальцем цифру один. Его рассуждения, не лишённые, впрочем, логики и здравого смысла, выглядели примерно так. Во-первых, Трубач – боксер, и женские капризы ему до лампочки; во-вторых, он уже считает Нину своей и без боя ее не уступит; в-третьих, самому Сане Ушакову будут мешаться или Марина или Катя номер два, в зависимости от того, как девушки поделили его с Володей Башкирцевым. Да и сам Башкирцев, учитывая их вечный спор, кто из них круче, влезет в эту заварушку, хотя и без шансов на успех.

– Ну и чем все это, по-твоему, обернется? – оторопело спросил у него Сева.

– Если бы не вечное желание Башкирцева помериться с Ушаковым размером ноги, тот, исходя из благородного кодекса морского братства, безусловно, уступил бы Нину Трубачу. Однако, спровоцированный своим напарником, являющимся одновременно соперником, он вступит с ним в состязание, но состязание тайное! Трубач скор на руку, а кому хочется провести остаток лета, питаясь творогом и сырыми яйцами, в ожидании, пока врач снимет тебе скобы со сломанной челюсти? Таким образом, в нашем с вами распоряжении не только Анна, печально прогуливающаяся вдоль берега, но и Катя номер два вместе со своей подружкой Мариной, отправившиеся на катере собирать рапанов, – закончил Коротич свою речь.

– Ты в какой университет поступать думаешь? – удивленно спросил его Иноземцев.

– Да я уже в полицию завербовался. Сейчас с вами отпуск отгуляю, и на курсы. Младшего лейтенанта сразу дают, – ответил старшина Коротич.

– Тебе лучше не попадаться. Присяжные без всяких доказательств поверят в такие красивые сказания, – почему-то обрадовавшись, засмеялся Сева Маслов.

Тем временем солнце, давно прошедшее большую часть своего дневного маршрута, медленно опускалось за вершину горного массива Кара-Даг. Решившие все свои насущные

проблемы Шницель и Катя номер один, вооружившись ракетками для бадминтона, лениво перебрасывались воланчиком. Они уже пару раз отлучались с пляжа, сначала посмотреть, где живет и как устроилась Катя номер один, а через час Шницелю пришла в голову мысль показать комнату, где он так и не заснул прошлой ночью. Как всякий уважающий себя хищник, выбрав самый короткий путь к своей цели, он несказанно гордился своей дальновидностью и прозорливостью. С чувством недоумения наблюдал Шницель за Трубочом, отчаянно старавшимся завоевать Нинино расположение. Вернувшиеся без всякой добычи Ушаков и Башкирцев, несмотря на усиливающуюся усталость от бессонной ночи, рассказывали обступившей их компании о подземных пещерах и гротах, которые они успели найти за свою короткую экспедицию. Марина и Катя номер два, рассчитывающие на внимание со стороны охотников за морским чудовищем, чувствовали себя обескураженными оттого, как оба они оживлялись, когда Нина обращалась к ним с самыми пустяковыми вопросами. В свою очередь Сева Маслов, вместе с предсказавшим весь расклад Коротичем ощущая закрадшуюся червоточинку досады из-за очевидного предпочтения этими двумя девицами их товарищей, пытались переключиться на неодетую Анну. Стоявшая и слушавшая вместе со всеми рассказы о подводном мире, девушка совершенно не смущалась, что из всех присутствующих на ней единственной не было купальника. Возможно, на пляже Кокте-

бельского залива для большинства нудизм, являвшийся нормой в этих краях, не мог бы служить препятствием к началу разговора, но сейчас, после года воздержания, даже Сева не смог бы одновременно смотреть на Анну и членораздельно разговаривать с ней. Крайне довольный всем происходящим Иноземцев, увлекшийся развивающейся интригой, решил все-таки помочь Севе Маслову. Взяв первое попавшееся полотенце, он протянул его девушке. Сохраняя каменное выражение лица, он сказал ей, кивая в сторону смотревшего на них Севу, что это известный эндокринолог, не рекомендуемый загорать голышом, и если у девушки найдется минутка, то доктор может ее проконсультировать.

– Иди, иди к нему, он тебе все объяснит, – сказал Иноземцев, подталкивая завернувшуюся в полотенце Анну в сторону Севы.

Создав еще одну пару, Иноземцев вернулся к размышлениям о своей основной задаче. Все ошибки, казалось, были исправлены.

Он посмотрел на часы. До связи с руководством оставалось еще достаточно времени.

– Вы с Масловым играете нечестно, – услышал он возле самого уха голос Коротича.

– Да ладно, вон Марина и Катя номер два свободны, – раздосадованный, что его отвлекли, ответил он довольно резко.

– Ты предлагаешь мне подбирать все, что не подходит Ушакову с Башкирцевым?

– Тебе предлагали заняться Аней. Ты же сам все предсказал?!

– Мне тогда не хотелось.

– Слушай, если у кого-то нет девушки, значит, у кого-то их две. Выбирай быстро, Марина или Катя, – поставил ультиматум Иноземцев.

– Первая или вторая? – затупил в растерянности Коротич.

– Женек, как ты нами командовал? – удивился Егор Иноземцев и добавил тоном, исключаям возражения: – Иди к Марине, чтоб не путаться в номерах.

Ужинать решили все вместе в каком-то дальнем ресторане. Набившись с нарушением всех норм безопасности в Севин минивэн, веселая компания отправилась в сторону гор.

Дни понеслись один за другим, словно стеклянные камушки в калейдоскопе, переливаясь огнями ночных дискотек и радугой утренних туманов. Реалист по своей натуре и убеждениям, Ушаков, несмотря на подколки со стороны Коротича и примкнувших к нему Трубача со Шницелем, был доволен отсутствием каких-либо существенных доказательств существования пресловутого Карадагского змея. Воспитанный в духе материалистического реализма, высмеивающего любые оккультные практики и невежественные верования, он теперь сам удивлялся тому впечатлению, которое произвел на него внезапно налетевший ветер и несколько неизвестно от чего пострадавших дельфинов. До отъезда оставалось совсем немного, и он ни капли не жалел о том,

что с морем и пляжем скоро придется надолго расстаться. Впереди открывались тысячи дорог. Порой он думал пойти в билетные кассы и, сдав билет на поезд, улететь на самолете хотя бы на один день пораньше. Соперничество за внимание Нины, навязываемое ему Башкирцевым, полностью не вписывалось в его планы и никак его не интересовало.

Да и соперничать было, в общем-то, не из-за чего. В один из вечеров Нина, уловив момент, когда Трубач оставил ее без своего бдительного внимания, сунула в ладонь Сани Ушакова записку с номером своего мобильного и даже с адресом квартиры на Крестовском острове в Санкт-Петербурге, где жила с мамой и папой, занимавшим какую-то важную должность по судебной линии.

Тема Карадагского змея как-то незаметно полностью сошла на нет. Веселящейся молодежи не было никакого дела до сказочного чудовища. Славший своему руководству шифровку за шифровкой Егор Иноземцев страшно переживал неминуемо приближающееся фиаско своего первого задания. Последние сутки дались ему наиболее тяжело не только по причине отсутствия результатов по змею, но и из-за постоянных приступов ревности со стороны Кати номер два. Тихая и скромная девица, внешне не представлявшая из себя никакого шедевра, оказалась жуткой психопаткой и после первой же близости превратилась в тень Иноземцева, неотступно следующую за ним по пятам. На все попытки поговорить и хоть как-то ее урезонить она отвечала слезами и ры-

даниями. По ее словам, она еще в первый день знакомства заподозрила в нем бабника, когда увидела, как он смотрел на Аньку, предлагая ей закутаться в полотенце. «Я что, не понимаю, о чем ты думал и куда смотрел?! Прекрати мне врать! Какие здесь у тебя могут быть дела? Если надо, пойдем вместе!» – набор фраз, служащий ответом на любые его рассуждения, был, конечно, значительно длиннее приводимого здесь, но это только усугубляло обстановку. Наконец, двадцать шестого июня он получил от командования шифровку, немало удивившую его своим содержанием. В ней говорилось, что все происходящее было прогнозируемо и ожидаемо, а его действия получили положительную оценку. Далее рекомендовалось при ближайшем удобном случае возобновить разговор о змее. Также следовало передать Маслову инструкцию, содержащую в том числе имя и координаты некоего старожилы, проживающего в поселке имени Орджоникидзе, что на противоположном мысе Коктебельской бухты. Он, этот старожил, когда-то давно входил в состав группы водолазов, столкнувшихся с неизвестным чудовищем. В пояснении к инструкции говорилось, что сам этот старожил по фамилии Стариков, хотя и оказался единственным оставшимся в живых из всех видевших аномальное явление, однако был списан на берег по причине умопомрачения. Николай Стариков утверждал, что не только хорошо разглядел чудовище, но и, вступив с ним в ментальный контакт, узнал, что змей не причиняет людям зла.

Иноземцеву с Масловым следовало каким угодно способом замотивировать компанию посетить этого гражданина. Объяснений, зачем и почему следует это сделать, как обычно, не прилагалось. Улучив момент, Иноземцев, отведя Сева в сторонку, попросил сделать для него одолжение, пообещав, что это будет в последний раз.

– Ладно, сделаю, но это точно будет в последний раз, – согласился Сева, торопливо переминаясь с ноги на ногу.

– Долг платежом красен. Не забывай, это я помог тебе с Анютой, – счел должным напомнить ему о своей услуге Иноземцев.

– Да ладно, заканчивай, я ей сразу понравился! Кстати, Ушаков сказал мне, что собирается уехать раньше, – добавил Сева.

– Ну я всего не могу предусмотреть, но давай до вечера тянуть не будем. Сейчас, как все соберутся, можно попробовать прям здесь, на пляже, разыграть спектакль, – поторопил Севу Иноземцев.

– Давай, но помни, это в последний раз, – не преминул закрепить договоренности Сева Маслов.

Дождавшись, пока народ соберется, кто после прыганья на волнах, кто после бесцельного гуляния вдоль берега моря, Иноземцев с помощью Севы принялся разыгрывать сценку под названием «Мы совсем забыли про Карадагского змея». Положа руку на сердце, он готовился к провалу, к скепсису со стороны своих друзей по срочной службе и насмешек от

девиц. К его собственному удивлению, тема зашла на ура. Наскучившая всем предсказуемость отношений в образовавшихся с первого дня парах сыграла для него добрую службу. Все девушки – Нина, Марина, Аня и Катя номер один – все, кроме Кати номер два, которая до сих пор дулась на Иноземцева за его утреннюю отлучку, вскочили на ноги. Энергично отталкиваясь от песка и высоко задирая колени, они запрыгали, выкрикивая в один голос: «Хотим змея, хотим змея, пусть нам дедушка расскажет!» Со стороны в своих разноцветных купальниках девчонки были похожи на подскакивающие детские резиновые мячи, и все ребята невольно засмотрелись на них. Все, кроме Саши Ушакова и Егора Иноземцева. Еще более раздосадованная отсутствием себя внутри такой сексапильной картинки, Катя номер два посмотрела на «своего» Егора. К ее удивлению, Иноземцев с испуганным выражением лица уставился совсем в другую сторону. Проследив направление его взгляда, она посмотрела туда же. Ей захотелось закричать, но кто-то на пляже сделал это раньше, чем она. Веселье немедленно прекратилось, и все стали смотреть в сторону горного массива справа от бухты. Даже солнце, слепившее глаза, не могло приглушить яркость двух огненно-красных пятен, несущихся впереди черного, извивающегося сразу в трех измерениях, словно смерч, пространства. Паника, охватившая всех без исключения, заставила людей, бросив все, удирать с пляжа, не думая ни о чем, кроме спасения своей жизни. Пытавшийся ввести пин-

код на своем смартфоне, чтобы открыть камеру, Саня Ушаков удивленно смотрел на экран с надписью «установлена блокировка». Между тем и он, и те, кто проделывал такие же манипуляции со своими девайсами, готовы были поклясться: с первой, в крайнем случае со второй попытки они вводили правильный пароль. Смерч (или в самом деле неведомое морское чудовище) приближался к берегу со скоростью не менее ста километров в час. Будучи достаточно опытным моряком, чтобы суметь на глаз определить расстояние, отделяющее их от аномалии, Ушаков понял, что для принятия решения у них есть не менее двух минут.

– Бежать нет никакого смысла, – сказал он, обращаясь по привычке к бывшему командиру Коротичу, – грузитесь в минивэн и шпарьте по Морской, пока не образовались пробки в сторону Орджоникидзе.

– Что значит «шпарьте»? Ты что, останешься? – спросил Иноземцев, давно захвативший лидерство внутри маленькой группки, состоящей из Севы Маслова, Коротича и его самого.

Шницель и Трубач, до этого державшиеся обособленно, сейчас готовы были слушать любую разумную команду, ведущую к спасению.

– Мы с Башкирцевым остаемся, – ответил Ушаков, ни на секунду не сомневаясь в поддержке этого решения своим напарником.

– Я тоже, – освобождая свое запястье от цепких пальцев

Трубача, заявила Нина.

Все оторопело посмотрели на нее, потом на Трубача, ожидая неминуемого скандала и взрыва эмоций.

Ничего подобного не произошло. Все снова посмотрели в сторону приближавшегося к ним чудовища. Уезжать было уже поздно. Те, кто успели запрыгнуть в машины, истошно сигналили друг другу, стоя на месте. Из всех людей, отдохавших на коктебельском пляже, осталось совсем немного человек, сохранявших внешнее спокойствие.

– Через тридцать секунд змей будет здесь, – сказал Ушаков.

Он начал считать в обратном порядке. Расстояние до приближавшегося змея сократилось настолько, что можно было различить все детали его строения. Голова, внешне похожая на лошадиную, отличалась от таковой широко поставленными кроваво-красными глазами. Приоткрытая пасть, очевидно, пригодная для пожирания млекопитающих среднего размера, была щедро оснащена клыками, по цвету чуть более желтыми, чем бивни африканских слонов. Четыре лапы, едва касавшиеся рассекаемых когтями волн, двигались ритмично, соотносясь с изгибами туловища, покрытого блестящей на солнце чешуей.

– Смотри, он меняет направление! – воскликнул Башкирцев, стоявший плечом к плечу с Ушаковым.

– Ура! – захлопала в ладошки Нина, приподнимаясь на цыпочки и выглядывая из-за плеч ребят, чтобы убедиться,

что змей действительно развернулся и уходит в сторону горизонта.

– Я разбил бы тебе морду, Ушаков, – сказал Трубач, в целом готовый сделать это прямо сейчас. Поведи себя Саня недостаточно скромно и аккуратно, такая неприятность, безусловно, могла иметь место. – Но, как говорится, чего хочет женщина, того хочет Бог, да и я приехал сюда не для того, чтобы, как школьник, вздыхать ночи напролет о прекрасной даме, мечтая однажды подарить ей букетик фиалок, – закончил Трубач свою мысль.

– Так Карадагский змей существует? – присвистнул Коротич, по привычке не реагируя на трубачовскую бычку.

– Егор, прости меня, – пропищала Катя номер два, совсем некстати повиснув у Иноземцева на шее.

– Появление змея на пляже предлагаю считать знамением, призывающим нас перейти в сан нудистов, – объявил Шницель, которому Катя номер один поведала по секрету, что до знакомства с ними почти все девочки загорали исключительно голышом и что лично ее мокрый купальник жутко бесит.

– Может, и вправду рвануть к бывшему водолазу? – продолжил гнуть свою линию Егор Иноземцев. Он обращался в первую очередь к Ушакову с Башкирцевым, чувствуя их заинтересованность в прояснении деталей произошедшего события.

– Сева, отдай им ключи от своего автобуса. Давай останемся на пляже. Ты посмотри, у меня и у девчонок из-за ку-

пальника совсем попола стала белой! Так нельзя! – сказала Анна, сразу вернувшись в лоно любителей загорать нагишом.

– Сева поедет с нами, он один знает адрес старого водолаза, – сухо возразил Иноземцев, – и твоя попола очень даже ничего, – добавил он с ходу, о чем немедленно пожалел, поймав на себе укоризненный взгляд Кати номер два.

Оставив своих товарищей и их подруг на пляже, четверо моряков, так и не сумевших отвязаться от Нины и Кати номер два, погрузились в минивэн и покатали в сторону поселка имени Орджоникидзе.

Потратив некоторое время на поиски нужного им дома, друзья довольно долго топтались у закрытой калитки. Дворик наглухо зарос сорной травой. Дорожки от калитки к крыльцу и нескольким хозяйственным постройкам были едва различимы. Только старенький мопед допотопной модели «Верховина-4», прислоненный к стенке одноэтажного домика, вселял надежду, что хозяин здесь и еще жив. Осмотревшись, дабы удостовериться в отсутствии посторонних взглядов, проявляющих неуместное любопытство, Саня Ушаков, двумя руками ухватившись за штaketник в том месте, где он казался наиболее прочным, одним махом перепрыгнул неказистое ограждение. Немного повозившись с нехитрым приспособлением, замыкающим проржавевшую щеколду калитки, он направился в сторону домика, не дожидаясь, пока остальные последуют его примеру.

– Мотор еще теплый, – сказал Башкирцев, сидя на кор-

точках возле мопеда и тыльной стороной ладони осторожно касаясь сорокадевятикубового движка.

– В доме кто-то есть, я заметила, как колыхнулась вон та занавеска, – поддержала Нина.

– Николай Николаевич! Откройте, пожалуйста, – вежливо постукивая костяшками пальцев по дверному косяку, гнусавым голосом, призывающим к доверию, предложил Иноземцев.

Видимо уразумев, что от визитеров не удастся отсидеться за закрытой дверью, бывший водолаз Стариков, загремев ключами, принялся открывать замок за замком.

– Сколько у него их там? – недоуменно спросил Башкирцев, обращаясь в основном к Ушакову.

– Я насчитал четыре, – ответил тот, когда дверь распахнулась и на пороге они увидели пожилого мужчину, скорее даже старика, не сильно заботившегося о своей внешности.

Седые волосы неопрятными прядями свисали почти до плеч. Понять, были они спутаны ветром от быстрой езды на мопеде или их хозяин давным-давно уже не пользовался расческой, было невозможно. Дед сильно сутулился, и худые, покрытые пигментными пятнами руки, казалось, свисали до самых колен.

– Где здесь написано, что я сдаю комнаты? – недружелюбно спросил он неожиданных визитеров.

– Николай Николаевич! Мы пришли к вам по другому вопросу, – поспешил успокоить его Сева Маслов.

– И мы пришли не с пустыми руками, – стараясь казаться приветливым и беззаботным, прибавил Иноземцев, улыбаясь от уха до уха.

Скинув с плеча все ту же холщовую сумку, в которой дурью по установившейся привычке таскали съестные припасы, он достал оттуда две бутылки местного вина.

– Вы кто? – все так же недоверчиво спросил старик.

– Мы студенты из Питера, нам сказали, вы лично встречали Карадагского змея и даже вступали с ним в контакт, – продолжал гнуть свою линию Егор Иноземцев.

К его удивлению, бутылки с вином никак не возбудили бывшего водолаза. Внимательно следя за лицом старика, он с удивлением для себя отметил тот странный интерес, с которым этот человек, явно находившийся в возрасте, давно не подразумевающим интереса к противоположному полу, разглядывал Нину с головы до ног.

– Вы больше похожи на команду ватерполистов, – недоверчиво возразил Стариков.

Словно в подтверждение замеченного Иноземцевым интереса к Нине, не переставая разглядывать ее почти в упор, он поинтересовался, как ее фамилия. Смутившись не столько от вопроса, сколько от такого бесцеремонного взгляда, Нина хотела ответить довольно резко, но, подумав, что такая ее реакция просто заведет переговоры в тупик, просто назвала фамилию, справедливо рассудив, что это ничего, в сущности, не меняет. Недоверчиво хмыкнув и пожав плеча-

ми, дед тем не менее указал рукой на раскладной столик и стоявшие рядом пластмассовые стулья.

– Поставьте вино там, я принесу вам стаканы, – сказал он.

Они проговорили больше двух часов. Из всего услышанного можно было сделать только один вывод: все сказанное Стариковым – не более чем болезненная фантазия человека, склонного к выпивке и верящего в мистику и оккультные знания. Все они так бы и подумали, не будь только что свидетелями произошедшего на пляже, когда черное, сверкающее чешуей чудовище с кровавыми глазами мчалось им навстречу.

– Так как еще раз ваша фамилия? – хитро ухмыляясь, спросил дед.

– Полякова я, Нина Полякова, – ответила Нина, поняв, что дед ей не поверил и задал этот вопрос в надежде подловить.

– Простите мою забывчивость и мой интерес. Просто ваше лицо показалось мне знакомым. Должно быть, я спутал вас с одной актрисой из старого сериала, – засуетился Стариков, разливая остатки теплого вина в бумажные стаканчики.

– Так вы говорите, эти рептилоиды синего цвета и похожи на людей? – с упорством самолета-штурмовика, заходящего на бомбардировку укрепленного района обороны противника, повторил Володя Башкирцев вопрос, заданный сегодня уже десяток раз.

– Да, три метра длины, плывут быстро, нас догнали, при-

жали к скалам, двое моих товарищей погибли. Один ударился головой о камень. Волна качнула вверх-вниз, ничего не успел сделать. А у второго сердце. Непонятно, как медкомиссию прошел. Потом долго врачей таскали на допросы. Правда, никого не посадили, даже не уволили. Загадка человеческой природы, – уверенно отвечал Стариков, и по всему было видно, что дед врет. Врет и не краснеет, даже получает удовольствие от этого безнаказанного гона, за который ему невозможно предъявить.

– А почему тогда говорят про змея, а не про рептилоидов? – возмутился Ушаков.

– Про змея говорят и про рептилоидов говорят, статьи пишут, фотографии в интернете есть, можете посмотреть. Вам-то самим кто нужен? Змей или рептилоиды? Или все равно? – Дед явно захмелел и начинал нахальничать, не забывая коситься в сторону задумавшейся над чем-то Нины.

– Ладно, все ясно, спасибо, дедушка, – хлопнув ладонью по складному столику, подвел итог встречи Егор Иноземцев.

– Позолоти ручку, внучек! – Дед жестом человека, просящего милостыню, протянул свою заскорузлую ладонь, увенчанную длинными, неровно обкромсанными ногтями.

– Мы так не договаривались. Бог подаст, – жестко отказал ему будущий особист.

– Старого человека легко обижать, – продолжая протягивать руку, не сдавался Стариков.

– Вот, возьмите, – сказала Нина и положила ему в ладонь

пятисотрублевую бумажку, которую нашла у себя в карманах джинсового комбинезончика.

– Спасибо тебе, Полякова! А как девичья фамилия матери? – поспешно спросил Стариков, как только фиолетовая бумажка исчезла в кармане его парусиновых штанов.

– Идите, дедушка, лесом, – едва сдержавшись, ответила ему Нина. Несмотря на происхождение из интеллигентной семьи, крепкие выражения были ей далеко не чужды, но сейчас, в присутствии Ушакова, ей хотелось казаться воспитанной и беззащитной.

Обождая, пока уляжется дорожная пыль, поднятая почти лысыми шинами Севиного минивэна, Стариков вернулся в дом. Пробыв там около получаса, видимо, заканчивая бытовые хлопоты, начатые еще до визита незваных гостей, дед вышел во двор. Несмотря на выпитое вино, он выглядел намного более собранным, нежели всего три часа назад. Парусиновые брюки были заправлены в специальные сапоги для езды на мотоцикле. Все те же седые волосы, стянутые сзади в короткий хвост, выглядели опрятными и ухоженными. В одной руке преобразившийся Стариков держал кожаные перчатки коричневого цвета, а на мизинце другой болтался облегченный шлем с плексигласовой защитой для глаз. Не снимая мопед с рожковой подставки, он принялся крутить педали. Чихнув и выпустив клубок сизого дыма, мотор ожил и негромко затарахтел, сообщая хозяину о готовности везти его туда, куда ему надо. Видимо, зная местность как

свои пять пальцев, Стариков долго рулил по узким тропинкам, многие из которых были в принципе не пригодны для езды на чем-либо другом. Примечательной деталью выдавшего вида аппарата можно было назвать установленный на нем глушитель, позволявший двигаться почти бесшумно. По этой причине или просто потому, что каждый местный кобель был знаком со Стариковым еще со дня своего рождения, он проехал рядом с чужими дворами, не вызывая обычного в таких случаях остервенелого собачьего лая.

Целью его поездки оказался двухэтажный дом, стоявший обособленно. На фасаде, покрытом свежим слоем штукатурки, висела неброская вывеска «Отель „Мираж“». Хмурый охранник, судя по тому, как они со Стариковым обменялись приветствиями, давно знакомый с прибывшим, немедленно пропустил его внутрь двора. Проехав по аккуратно выложенной плитке в виде восточного орнамента в сторону гаражей, находившихся слева от основного строения, Стариков заглушил мотор, снял шлем и повесил его на руль мопеда. Стряхнув несколько приставших к штанам колючек, он через вход для обслуживающего персонала зашел внутрь гостиницы. Пройдя по узкому коридору, вдоль которого громоздились какие-то картонные коробки, Стариков выглянул в маленький холл, где была оборудована стойка рецепции. Девушка, по внешнему виду азиатка, заметив его, немедленно подняла трубку интеркома и, получив указания от начальства, как следует поступить, молча указала ему на лестницу,

ведущую на второй этаж.

Помещение, куда попал Стариков, было довольно большим и явно не вписывалось в привычную концепцию гостиниц средней руки. Все четыре окна, выходившие на сторону, противоположную от проезжей улицы, были прикрыты шторами. Несмотря на включенные электрические светильники, Старикову после яркого крымского солнца все же потребовалось время на привыкание к полумраку. Хотя девушка-азиатка и предупредила о его приходе, в комнате никого не было, и Старикову пришлось ждать, присев в одно из кресел возле низкого журнального столика. К его глубокому разочарованию, на квадратной, покрытой блестящим лаком столешнице не лежало ни одного журнала, а главное, не наблюдалось обычных для приемных комнат бутылок с водой. После поездки на стареньком мопеде по колдобинам только ему одному известных тропинок старому водолазу хотелось пить, и он с нетерпением посматривал на две противоположные двери, ведущие в смежные номера. Человек с круглым и плоским, как блин, лицом, очевидно, той же национальности, что и девушка на ресепшене, появился неожиданно и бесшумно.

– Твой внезапный визит говорит мне, что люди, о которых мы предупреждали тебя, уже появились, – сказал мужчина, ограничившись в качестве приветствия коротким сухим поклоном вставшему при его появлении Старикову.

– Да, шесть молодых людей приезжали сегодня ко мне на

автобусе, – ответил выживший при встрече с рептилоидами водолаз. – Можно мне попросить воды? – добавил он, подобо-бостранно заглядывая говорившему в глаза.

– Чуть позже, Николай, чуть позже. Сначала ответь мне на вопросы. Ты ведь понимаешь, насколько это срочно? – с подчеркнуто вежливой интонацией отказал ему азиат.

– Да-да, конечно. Они расспрашивали меня про Карадагского змея и говорили, что видели его несколько часов назад.

– Среди них были женщины?

– Да, были две. Четыре парня и две девушки. Всего шестеро, как я и сказал... – пустившийся в ненужные вычисления Стариков не заметил недовольной гримаски на лице своего собеседника и был прерван повелительным жестом.

– Посмотри, здесь есть похожая на одну из них? – задал мужчина вопрос, вынимая из внутреннего кармана пиджака несколько фотокарточек.

Он разложил их на столе, словно карточный пасьянс, и внимательно наблюдал за Стариковым, переводящим взгляд с одного женского лица на другое.

Безошибочно узнавший на одной из фотографий лицо только что побывавшей у него в гостях Нины, Стариков замер, изумленный не только тем, как она была одета, но в первую очередь возрастом фотокарточки, лежащей перед ним. Пожелтевшая от времени, с фигурно обрезанными краями фотография, очевидно, была сделана еще до первой русской революции.

– Эта? – проследив направление взгляда по-стариковски слезящихся глаз Николая Николаевича Старикова, резко, словно торопя того с признанием, задал вопрос хозяин кабинета.

– Нет, – оторвав взгляд от фотокарточек и переводя его на азиата, ответил Стариков. Как и тогда, при сакраментальной встрече с рептилоидом, к нему вернулось самообладание и храбрость, храбрость человека, осознавшего неминуемость смерти и задумавшего прожить последние мгновенья, назначенные ему роком, истинным бойцом, несмотря на все совершенные им ошибки и грехи.

– Догадался, значит?! – Азиат, одержимый бешенством, подскочил к Старикову и ребром ладони нанес удар в шею, точно в область сонной артерии.

Сомнений в начале решающей фазы операции быть не могло, и оставлять ненужного свидетеля активности его организации здесь, на полуострове, не имело ни малейшего смысла. Ему все было понятно. Девушка была здесь, совсем рядом. Для успеха его миссии оставалось только ее найти. С учетом имеющейся в его распоряжении сети активных агентов задача могла решиться в считанные часы.

Взяв с полки книжного шкафа медный колокольчик, он потряс его, извлекая неприятное дзиньканье.

– Принеси воды, – приказал он вошедшей служанке на своем родном языке.

– Слушаюсь, господин, – произнесла она тихим голосом,

сопровождая ответ вежливым поклоном.

Вернувшись с бокалом ледяной воды, она так же с поклоном передала его хозяину. Отхлебнув пару маленьких глотков, словно боясь простудить горло, азиат, почувствовав, как ярость покидает его, поставил стакан на журнальный столик. После недолгого размышления он распорядился, как поступить с трупом ненужного теперь информатора.

* * *

Две машины фельдъегерской связи мчались по московским улицам в сторону юго-запада столицы, ловко объезжая заторы и всячески стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Дело было крайне срочным. Высший уровень секретности не позволял передать такие данные даже в зашифрованном виде по техническим каналам связи. Единственное, что фельдъегеря смогли себе позволить, это заранее запросить беспрепятственный проезд на территорию секретного института, уже более тридцати лет возглавляемого академиком С. Н. Царевым. Просьба ускорить все обязательные для прибывающих в институт посторонних лиц процедуры пришла с самого верха, и руководитель безопасности Павел Николаевич Изотов лично отправился встречать гостей. Задержавшиеся ненадолго в шлюзовом кармане автомобиля проследовали по подземному тоннелю в отдельный паркинг, где не привыкших даже к минимальным задержкам

связистов снова попросили обождать. Неловкость складывающейся ситуации заключалась в абсолютно случайном совпадении прибытия сверхважного сообщения с еженедельной лекцией по точным наукам, которую Сергей Николаевич Царев никогда не прерывал и не переносил.

Задуманная около десяти лет назад как одна из форм адаптировать сложные и подчас запутанные темы современной фундаментальной науки для понимания, эта еженедельная лекция быстро превратилась в нечто большее, чем просто встреча с занудным академиком. Интерес к ней с каждым годом становился все сильнее. Записать свое чадо в число слушателей становилось все престижнее и сложнее. Стопроцентное попадание в аудиторию давала только принадлежность к семье сотрудника, трудившегося в институте. Должность и звание не имели значения. Сын или дочь лаборантки или рабочего по ремонту здания и внутренних коммуникаций мог твердо рассчитывать на место за партой наравне с отпрыском доктора наук. В какой-то момент между Царевым и крупными шишками от науки возникли трения и непонимание из-за такой предвзятой, по мнению шишек, селекции. «Как же так?! – возмущались они. – Отбор должен проходить среди наиболее одаренных, тех, кто от природы талантлив!» Опуская тот факт, что талантливыми и одаренными неизменно оказывались детишки самого начальства, Сергей Николаевич как мастер софизмов и парадоксов приводил в виде возражения свой собственный тезис о справед-

ливости и связанных с ней закономерностях. «Вот смотрите, – говорил он. – Есть много учреждений, при поступлении в которые требуется пройти медицинскую комиссию. Логично предположить, что отобраны будут только самые здоровые. Тогда вопрос, почему избранные болеют чаще, чем каторжане? На каторгу ведь забирают без особых формальностей!» Тем не менее даже ему приходилось делать поблажки в тех случаях, когда отказать было попросту невозможно. Атмосфера, царившая на его лекциях, исключала присущую подросткам рассеянность. Разгадка такого феномена, в сущности, лежавшая на поверхности, заключалась в прописной истине о мастере, который может простым языком изложить самые сложные проблемы. В отличие от большинства педагогов, повторяющих схоластику, вычитанную ими в книгах, написанных другими схоластами, Царев рассказывал о вещах и событиях, представляющих реальную жизнь, и открытиях, зачастую сделанных им самим. Прервать течение такой лекции не мог никто, и если бы Изотову пришлось защищать подходы к аудитории с оружием в руках, он поступил бы так, не раздумывая ни полсекунды.

Встретив прибывших гостей в подземном паркинге, Изотов подчеркнуто вежливо, многократно извиняясь за задержку, предложил фельдгегерям подняться на лифте в приемную Царева и ждать там. Видя недовольные лица офицеров, Изотов, всячески стараясь избегать фраз, способных привести к конфликту, поглядывал на свою стальную «Дай-

тону» с черным циферблатом. До конца сакральной лекции оставалось более получаса.

«Не застрять ли нам всем в лифте?» – прикинул он, но ему самому тут же стало скучно от такой перспективы. Зная, чем умаслить каменные сердца службистов, Изотов отправил сообщение руководителю блока питания с просьбой прислать в приемную из буфета двух симпатичных официанток. По долгу службы постоянно соприкасаясь с учеными, он отлично знал обе теории относительности, одна из которых утверждала, что время может идти быстрее или медленнее в зависимости от обстоятельств. Сам он, конечно, не очень разбирался в сложных формулах инвариантных релятивистских уравнений, но многолетние наблюдения, сделанные им лично, позволяли надеяться, что шуршание женских юбок как минимум сделает течение времени более приятным. Выиграв таким образом еще несколько драгоценных минут, Изотов мог бы гордиться своим умением вести дела, если бы не бешенство, читаемое в глазах подполковника, к запястью которого наручниками был пристегнут портфель со сверхважным и сверхсрочным донесением.

– Пять минут ничего не решают, хотите, я сам приму пакет? – предложил Изотов, намеренно сокращая время, оставшееся до конца лекции.

– Это невозможно. Документ предназначен для вручения лично академику Цареву, – возразил старший из прибывшей группы.

– Хорошо, я лично пойду за ним и потороплю, – согласился с услышанными доводами Изотов.

Он вышел из приемной, выполняя таким образом первую часть сделанного им заверения, при этом никоим образом не намереваясь выполнить свое обещание поторопить Царева. Пересекая просторный вестибюль с мраморными колоннами, Павел Николаевич задался вопросом, можно ли считать его слова правдой или неправдой, учитывая, что часть из декларируемых в них намерений была исполнена немедленно и продолжала исполняться в текущее мгновение, а вторая так и останется пустым обещанием. Подойдя к дверям зала для научных конференций, в котором Царев читал свои еженедельные лекции, он еще раз посмотрел на часы. Секундная стрелка двигалась со скоростью черепахи. Дабы убедиться, что часовой механизм не испорчен, он потряс запястье левой руки и приложил «Дайтону» к уху. Через узкое пространство между едва приоткрытыми створками дверей доносился спокойный и немного монотонный голос никуда не спешившего Царева.

– Итак, сегодня мы поговорили о загадках вселенной и связанных с ними необычных явлениях. Напоследок я предлагаю рассмотреть довольно забавную задачу, используя самые простые математические расчеты. Нам вместе предстоит рассчитать, какова вероятность того, что свидетель необычного явления говорит правду. Предположим, что в вольере для кроликов содержится девяносто девять черных

особей и одна особь белого цвета. Предположим также, что очевидец будущего события обманывает в среднем один раз из десяти. Это, в общем, довольно умозрительная статистика, как вы сами убедитесь в дальнейшем, люди врут гораздо чаще, но так нам будет проще с расчетами. Таким образом, вероятность правдивости его слов равна $9/10$.

Далее. Из вольера выбежал один кролик, и очевидец утверждает, что он был белого цвета. Давайте посчитаем вероятности. $1/100$ – это вероятность описываемого события. Умножим ее на вероятность правдивости очевидца и получим $9/1000$. А если он обманывает? Вероятность бегства черного кролика равна $99/100$, умножаем на частоту, с которой очевидец говорит неправду, и получаем $99/1000$. Имея 108 вариантов (99 плюс 9), мы получаем вероятность правдивых показаний, равную $9/108$, и ложных, соответственно, $99/108$. Вероятность ложных показаний о происшествии маловероятного события, таким образом, существенно превышает вероятность правдивого свидетельствования. Поэтому, возвращаясь к теме сегодняшнего разговора, хочу предупредить вас, что не следует поспешно верить в существование разных чудовищ, демонов или пришельцев. Тем из вас, кто хочет более подробно познакомиться с философией теории вероятностей, я порекомендовал бы почитать Пьера-Симона Лапласа⁴. Его труды есть в открытом доступе, и там мно-

⁴ В данном тексте опыт Лапласа с шарами заменен на историю с кроликами, исходя из художественного замысла рассказа. Автор никоим образом не припи-

го интересных пассажиров, таких как «пари Паскаля», например, – закончив говорить, Царев вышел из конференц-зала, где был встречен ожидавшим его Изотовым. Сразу почувствовав, что произошло нечто экстраординарное, Сергей Николаевич, не задавая лишних вопросов, последовал за ним. Воспользовавшись потайным ходом, они оба оказались в кабинете Царева, миновав приемную с ожидавшими там сотрудниками спецсвязи. Нажав кнопку интеркома, Сергей Николаевич попросил помощника сделать ему чашку кофе и разрешить человеку с портфелем зайти в кабинет и получить его аудиенцию.

* * *

Старенький минивэн, чихая и кашляя на затяжных подъемах и крутых поворотах серпантина своим изношенным мотором, покатил обратно на пляж Коктебеля. Несмотря на духоту в салоне, всю дорогу не утихал спор о том, можно ли было верить этому чудному водолазу. Вопрос аутентичности легенды оспаривался почти всеми присутствующими. Только Нина и Егор Иноземцев не участвовали в споре. Впрочем, у каждого из них были довольно разные причины.

– Ни ты, ни я никогда бы не поверили в возможность существования змея, да и в любой рассказ о нем, ни случись нам самим менее пары часов назад видеть его собственными

сывает себе достижения известного ученого.

глазами, – говорил, обращаясь в основном к Сане Ушакову, Володя Башкирцев.

– Да, конечно, это так, но дедушка говорил про рептилоидов, а не про змея, – влезла со своей репликой Катя номер два, которая была не только ревнива, но и довольно тщеславна. Манера ее избранника оставаться в тени, манипулируя окружающими незаметно и, следовательно, без особой выгоды для ее собственного престижа в глазах остальных девиц, вдохновила сейчас Катю номер два на решительные действия.

– Вот именно, что мы его видели, только видели, и все, – возразил своему товарищу Ушаков, тотально игнорируя высказывание Кати номер два.

– А тебе надо было, чтобы он кого-то сожрал? – не унимался Башкирцев.

– Довольно часто мы видим только часть картинки. В случае с фокусами, например, нам показывают только то, что хочет показать нам притворщик, – не отступал от своей точки зрения Ушаков.

– К чему ты клонишь? – спросил Башкирцев.

– Возможно, это была оптическая аномалия, разновидность миража, – выдвинул очередную гипотезу Ушаков.

– У всех, кто был на пляже? Не говори ерунду. Так не бывает, – сказал Башкирцев.

– В любом случае, меня это мало интересует. Пусть этим занимаются ученые или краеведы, – подвел Ушаков итог

спора со своим товарищем. — Тем более я поменял немного свое расписание и сегодня вечером улетаю, — уже обращаясь к сидевшему за рулем Севе, добавил он. В тишине наступившей паузы было слышно только натруженное поскрипывание рессор старого автомобиля. Все без исключения посмотрели почему-то на Нину. Даже внимательно следивший за извилистой дорогой Сева бросил в ее сторону осторожный взгляд.

— Тебе придется сдать билет обратно в кассу, — прервал повисшее молчание Егор Иноземцев. — Мы собрались здесь не просто так.

* * *

Получив секретный пакет лично в руки и расписавшись за него в протянутом офицером блокноте, Царев попросил Изотова проводить гостей. Находиться на территории института без сопровождающего не позволялось никому из посторонних, а учитывая специальный статус фельдъегерей, общаться с ними на равных мог только Павел Николаевич.

Достав из футляра очки для чтения и вооружившись острым ножом для вскрытия корреспонденции, Царев вскрыл край секретного пакета и погрузился в изучение переданных ему материалов. Не будь Сергей Николаевич по своему мировоззрению одновременно гедонистом и стоиком, его, вполне возможно, охватило бы отчаяние. Все жертвы, при-

несенные на алтарь секретности по изучению коррекции событий в выгодном для государства направлении, оказались напрасными. И это был, очевидно, только первый звонок. Из переданных ему бумаг нельзя было сделать заключения о масштабах катастрофы. Подлежало хоть что-то спасению или нет, понять в настоящий момент не представлялось возможным.

Не дожидаясь возвращения своего заместителя по безопасности, с которым его связывала долгая дружба еще со студенческой скамьи, он набросал на листке бумаги план безотлагательных мероприятий. Весь запланированный на сегодня график встреч, совещаний и переговоров летел в тартарары, и с этим ничего нельзя было поделать. Незамедлительно попросив помощника позвонить в Академию наук и правительство, дабы предупредить руководство о невозможности его присутствия на запланированных мероприятиях, Царев попробовал связаться с куратором. Вежливый голос секретаря предложил перезвонить через час.

Положив трубку обратно на рычажки телефонного аппарата, Сергей Николаевич откинулся на спинку кресла. Развернувшись по отношению к столу на сто восемьдесят градусов, он стал смотреть в окно, одновременно вспоминая события последних лет, начиная с того момента, когда в изучении проблематики временных изменений появились первые реальные сдвиги. Сотрудники научного подразделения, занимавшиеся указанной выше темой, работали, как и

многие другие исследователи на ниве фундаментальной науки, размеренно и никуда не спеша. Проверялись и отвергались самые разные гипотезы, экспериментальные и умозрительные постулаты. Терабайты информации, переписываемые из одного научного манускрипта в другой, процеживались сквозь сито критического реализма, задающего безжалостным вопросом о ценности этих знаний для практического применения. Флуктуация световых конусов, образованных причинно-следственными происшествиями основного события при прохождении гравитационной волны, в теории действительно не исключала возможность развернуть эти самые конусы таким манером, что, продолжая двигаться по направлению к будущему, некто попадет в точку пространства, где он уже побывал. Создастся некая орбита, при движении по которой возможно вернуться к событию, с которого началось это путешествие. Читая отчеты, Царев невольно морщился, словно запретный плод познания, предложенный ему на пробу, оказывался кислым настолько, что не только питаться, а даже пробовать его было неприятно. При этом на ученом совете ему приходилось соблюдать приличия. Давать волю эмоциям категорически запрещалось. Хотя часто, очень часто Сергея Николаевича так и подмывало прервать очередного докладчика и, сохраняя серьезное выражение лица, пересказать анекдот, услышанный им от Изотова, о том, как в одном из советских НИИ в рамках выполнения продовольственной программы исследова-

ли возможность производства сливочного масла.

Так продолжалось достаточно долго. Успокаивая себя тем, что, в сущности, годовой бюджет, испрашиваемый этим подразделением, достаточно скромнен, а в фундаментальной науке период, необходимый для накопления и осмысления данных, получаемых как экспериментальным, так и другими способами, достаточно велик, Царев продолжал придерживаться мнения о целесообразности его дальнейшего существования.

Поворотной точкой в этом потоке унылых событий стала его поездка на отдых в две тысячи четырнадцатом году. Обладая массивом сверхсекретных знаний, Сергей Николаевич никогда не посещал заморские курорты. Жалел он об этом или нет, для нас навсегда останется тайной за семью печатями, ибо Царев всегда отличался дискретностью в своих высказываниях, а его безопасник Изотов, с которым он, возможно, делился своими соображениями на этот счет, просто обладал склонностью к физическому уничтожению излишне любопытных субъектов. Именно поэтому возвращение Крымского полуострова в лоно юрисдикции своего законного хозяина – Российской Федерации, Сергей Николаевич Царев приветствовал искренне и горячо. Начав свое турне летом четырнадцатого года с плоской, но зато лечебной Евпатории, Царев с Изотовым останавливались на пару-тройку дней во всех знаковых городах: Севастополь, Балаклава, Алупка, Ялта, Судак. Из Судака они поехали в Но-

вый Свет, откуда, предварительно запасшись ящиком вина из Голи-цинского погреба, они планировали добраться до Феодосии на небольшой рыбацкой шхуне, принадлежащей одному старому знакомому, лично пообещавшему сопроводить их в качестве капитана.

Погрузив на борт свой скромный багаж и особо переживая из-за возможной качки, способной ухудшить качество приобретенного ими вина, они попросили капитана немного пройти вдоль берегов легендарной бухты, где снимались почти все фильмы советского кино, так или иначе связанные с морскими приключениями. Подолгу разглядывая в бинокль скалистые берега и стараясь восстановить по памяти тот или иной эпизод разных боевиков, они наконец бросили якорь в Царской бухте. Убедившись в сохранившихся вкусовых и эстетических качествах игристого вина, они, поплавав и освежившись, взяли курс на северо-восток, направляясь к Феодосии. Попутный ветер раздувал паруса. Волнение на море не превышало двух баллов, и тишину, царившую вокруг, прерывали только удары воды, набегавшей на кренившийся правым бортом корпус суденышка. Чернеющая глыба горного массива показалась слева менее чем через полчаса хода.

– Это легендарный Кара-Даг? – спросил Изотов у старого знакомого, стоявшего у штурвала с видом заправского моряка.

– Он самый. Странное место. Болтуны только и рассказывают о нем сплошные небылицы, – ответил человек, испол-

няющий обязанности капитана.

– Русалки? Утопленницы? – поинтересовался у него Царев. К концу второй недели своего путешествия ему стало не хватать женского общества, и возможность хотя бы поговорить об этом его очень обрадовала.

– Да нет, какие русалки, врут про рептилоидов, змеев каких-то, временные порталы, – отмахнулся капитан, которому совсем не хотелось повторять одни и те же байки, слышанные им самим сотни раз.

– Далеко еще до Феодосии? – не углубляясь в тему беседы, спросил у него Царев.

– Минут через пятьдесят пришвартуемся, – последовал ответ.

– Отлично! – одобрительно произнес Царев и, подойдя поближе к Изотову, прошептал ему на ухо: – Организуй немедленно наше возвращение в Москву.

Павел Николаевич прекрасно знал, когда следует задавать уточняющие вопросы, а когда нет. В данный момент у него не возникло ни малейших сомнений в необходимости срочно заняться подготовкой их эвакуации. Всего через пять часов самолет, принадлежащий институту, приземлился во Внуково.

– Я еще понадоблюсь вам сегодня? – переходя на официальный тон общения, спросил Царева Изотов, когда они, миновав приемную, оказались в директорском кабинете.

– Безусловно. – Царев предельно лаконично объявил ему

свою волю. — Побудь здесь, рядом. Мне необходимо проговорить некоторые моменты вслух, однако никому, кроме тебя, доверить я их не могу, — добавил он, смягчившись.

— Добро, — согласился Павел Николаевич, поудобнее усаживаясь в одно из массивных кожаных кресел, стоявших особняком от рабочего стола.

Ряды книжных полок, сходящиеся в этом углу, убегали высоко вверх, под самый потолок, и создавали антураж старинной библиотеки аристократического дома в предместьях Эдинбурга.

— Послушай, вот содержание одной из последних служебных записок, касающихся темы коррекции прошедших событий, основанных на нелинейности течения времени, — сказал Сергей Николаевич, извлекая из сейфа папку с бумагами. Пересмотрев их несколько раз, он, очевидно, найдя нужный ему листок и нацепив очки на самый кончик немного длинного носа, начал читать вслух: — Аномальные явления, получившие название от дежавю, долгое время считались или признаками расстройства психики или просто попыткой памяти адаптировать настоящее к прошлому. Между тем, созданные в Калифорнийском институте математические модели Кипа Торна показали гипотетическую возможность существования пространственно-временных тоннелей, связывающих отдаленные точки коротким путем. Самый простой способ их эффективного использования для решения задач, поставленных перед нашей лабораторией, может выглядеть

следующим образом: URPE⁵, воспользовавшись подобным тоннелем, может мгновенно оказаться в некой условной точке пространства. После этого, возвращаясь к точке старта обычным путем, он способен оказаться там задолго до своего ухода и даже до своего рождения в прошлом времени. Нами подвергается сомнению сам смысл возврата URPE, в случае если перед ним изначально ставится задача адаптации в новой для него реальности. Кроме того, мы предполагаем, что в так называемом прошлом существуют события, возможно, поддающиеся коррекции, – здесь Царев прервал свое чтение и оценивающим взглядом посмотрел на физиономию Павла Николаевича Изотова. Для понимания, что тот думает о только что услышанном, ему не требовалось слов. Связанный с Изотовым дружбой и делом не один десяток лет, Царев элементарно считывал самые сложные эмоции, отражавшиеся у того на лице. В данный момент он не увидел ничего, кроме глубокого скепсиса и разочарования.

– Мы покинули Феодосию и отказались от еще нескольких дней заслуженного отдыха только потому, что ты решил зачитать мне текст служебной записки годовалой давности? – спросил Изотов ничуть не сердито, скорее, с готовностью услышать логично выстроенное объяснение директора, в очередной раз доказывающее гениальность Царева.

⁵ URPE – аббревиатура: unret (невозвратный), past (прошрое), emend (исправлять, корректировать). Значение и смысл этой аббревиатуры станут понятны из дальнейшего текста.

– Смотри, что они пишут дальше: «Проникновение в подобный туннель возможно только при подавлении пинч-эффекта за счет отрицательной гравитации, оставляющей проход открытым для URPE!» Ты понимаешь, какие затраты необходимы для построения такого приспособления одновременно с коллайдером, способным дать необходимое количество отрицательной энергии, в свою очередь обладающей отрицательной массой?!

– Я помню, ты показывал мне примерную смету и сказал, что с этим нет даже смысла звонить куратору, – коротко ответил Изотов, не скрывая, что ждет продолжения.

– Точно, точно. Хорошо, что у тебя отличная память. Так вот, то, о чем сегодня поведал нам на утлом суденышке наш бравый капитан, подсказывает мне о существовании некоего природного артефакта, не требующего вложений в него триллионов.

– Тогда почему мы улетели так срочно, а не попробовали расспросить его подробнее?

– Ты меня удивляешь! Я должен читать тебе лекции по соблюдению секретности? Да заинтересуйся мы хоть единым словом обо всех этих историях, и завтра все, понимаешь, все станут повторять на разные лады об интересе ученых с мировым именем к их Кара-Дагу, змею и portalу времени, находящемуся в тех местах.

Именно тогда всем дальнейшим разработкам был присвоен самый высший уровень секретности. Приказом по инсти-

туту было объявлено о закрытии лаборатории по изучению возможности перемещения во времени. Все работы перенесли подальше от Москвы с ее излишними соблазнами и вавилонским нашествием разноязычных чужестранцев.

На подтверждение выдвинутой Царевым гипотезы потребовалось около года кропотливой работы. Наиболее сложной задачей, помимо чисто научных изысканий, представлялось соблюдение самых строгих мер секретности. Полное исключение контактов с внешним миром требовало готовности к самопожертвованию не только со стороны ученых, но и членов их семей. Поиски источника отрицательной энергии велись параллельно. Конфиденты, имевшиеся у Изотова повсюду, доносили ему о нарастающем социальном диссонансе внутри сообщества сотрудников института, непосредственно причастных к проекту. Наибольшее возмущение и недовольство вызывала не только и не столько удаленность от цивилизации, сколько изменившийся вектор исследований. Злые языки нашептывали о возможности в ближайшее время замены всех научных трудов в институтской библиотеке на мифологию разных народов мира.

Одновременно вместе с вышеизложенным, исподволь, незаметно для самого себя, Царев все больше и больше погружался в детали столь дерзкой по своей инновационности задачи. Возможно, а Изотов был просто в этом уверен, именно его деятельный интерес к проекту URPE привел к первым значимым результатам.

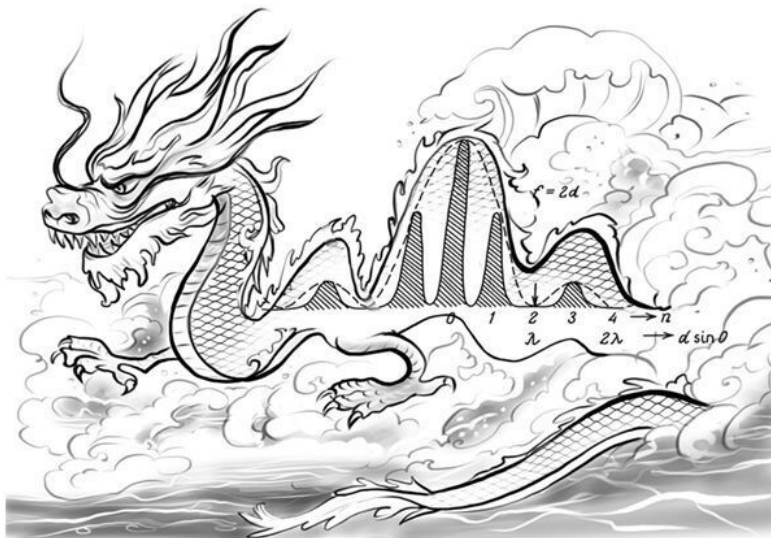
Предложенный Царевым принцип масштабирования квантовой теории Дирака⁶ до макрофизических явлений стал краеугольным камнем революции в познании временной аномалии. Таким образом, исчезающее второе расщепление пси-функции в ньютоновском приближении, отличающее теорию Дирака от теории Паули⁷ (объясняемое до этого релятивистскими эффектами первой теории) и не учитывающее существование спина, наконец удалось преодолеть. Именно это новое свойство – спин – позволило в конце концов снова проквантовать атом водорода, применяя уравнения все того же Дирака, и получить неизвестные ранее квантовые числа.

Заменив актуальными квантовыми числами азимутальные числа в формуле Зоммерфельда⁸, применяемой для тонкой структуры, было достигнуто совпадение экспериментально наблюдаемых спектров с теоретически ожидаемыми. Оптическое видение, получившее у местного населения имя таинственного змея горы Кара-Даг, оказалось дифракцией на двух одинаковых щелях (в данном конкретном случае – на двух входах-выходах временного тоннеля) и имело простое математическое объяснение и графический вид.

⁶ Поль Адриен Морис Дирак – британский физик-теоретик, один из создателей квантовой механики.

⁷ Вольфганг Эрнст Паули – австро-швейцарский физик-теоретик, работавший в области физики элементарных частиц и квантовой механики.

⁸ Арнольд Иоганнес Вильгельм Зоммерфельд – немецкий физик-теоретик и математик.

Фигура 1. Дифракционное распределение интенсивности в случае двух одинаковых щелей. При совпадении дифракционных минимумов с интерференционными максимумами светлая полоса исчезает. Оптическое восприятие в проекции общечеловеческой ментальности выдает примерно такой результат. Стрелка указывает на теряющийся при этом порядок интерференции

При $N = 2$ имеем
 $\sin^2 N\beta / \sin^2 \beta = 4 \cos^2 \beta$,
 Поэтому интенсивность

$I = 4I_0 \sin^2 \alpha / \alpha$ в квадрате $\cos^2 \beta$.

Здесь коэффициент 4 обусловлен величиной N в квадрате, а величина $\cos^2 \beta$ – известный нам множитель, связанный с интерференцией двух источников. Распределение интенсивности при $N = 2$ и $f = 2$ представлено на фигуре (графике) № 1. Интенсивность равна нулю в дифракционных минимумах, когда $d \sin \theta = n \lambda$. Она также обращается в ноль в интерференционных минимумах, когда $f \sin \theta = (n + 1/2)\lambda$.

Тем не менее слияние релятивистских и квантовых представлений в теории Дирака не могло удовлетворить Царева как человека, перед которым стоит задача не восхищаться умозрительными изысканиями, а в кратчайшее время представить их наиболее мощное практическое применение. Накопление знаний о странностях аномалии продолжало увеличиваться по экспоненте. В один из пасмурных московских вечеров, возвращаясь к себе в загородный дом, Царев продолжал размышлять над техническими аспектами поиска точной геопозиции обеих горловин временного тоннеля. Промелькнувшая догадка о том, чем на самом деле может оказаться этот временной тоннель, появилась и почти мгновенно испарилась, растаяла в потоке гипотез, одна за другой возникавших в его сознании. Умение цепляться, не отпускать от себя такие незаметные, проносящиеся, словно искры от горящего в ночной темноте костра, озарения, свойственные только людям с выраженными признаками гениальности, позволило ему отмотать обратно всю ниточку своих раз-

мышлений.

Принимая во внимание похожесть временной структуры вселенной на отношения между поколениями, когда общность всех существ, предшествующих рождению конкретно-индивидуума, может быть изображена в виде сходящейся к месту его рождения воронки и далее тех же прямых, расходящихся под различными углами вниз и очерчивающих общность произведенных на свет его (этого индивида) потомков, Царев давно отказался от представления прошлого, настоящего и будущего в виде прямых линий, идущих в одном и том же направлении. Раньше такие ученые, как Эйнштейн, а в дальнейшем и поддержавший его в этой гипотезе Карло Ровелли, предположили, что именно конусы, называемые ими световыми, а не слои определяют структуру времени. В свое время они пришли к выводу, что скорость времени, кроме всего прочего, изменяется от точки к точке, таким образом деформируя реальную картину пространства времени. И самое главное! При возникновении гравитационной волны световые воронки времени флуктуируют настолько интенсивно, насколько гравитация превышает обычные параметры, присущие определенной вселенной или галактике. В некоторых случаях это колебание может приводить воронки времени к развороту до ста восьмидесяти градусов, обеспечивая попадание будущего в ту точку, где прошлое уже имело место, приводя общее движение к событию,

с которого это движение началось⁹. Почувствовав, что решение вот-вот будет найдено, Царев даже зажмурился, дабы исключить любое возможное отключение от нити рассуждений, ведущей к разгадке величайшей тайны мироздания.

Он вспомнил, как в семьдесят четвертом году двадцатого столетия взволновала мировое научное сообщество идея Стивена Хокинга¹⁰, впрочем, оказавшаяся в дальнейшем ошибочной, о выделении черными дырами тепла. До того момента, пока этому феномену не нашлось проверенного объяснения, казалось, что ряды научных трудов, покоящихся на полках библиотек, вот-вот на глазах всего мира превратятся в груды макулатуры. В дальнейшем все объяснилось потоками отрицательной энергии, входящими в черные дыры. И здесь, именно здесь Царев почувствовал, как, сопоставляя разрозненные данные, он приблизился к успеху. Но может ли быть такой феномен здесь, на Земле? Неужели временной тоннель – это *quasi black hole*, существующий в самом центре обитаемой планеты? Как он появился и зачем? Такие вопросы показались Цареву неуместными в данный момент, и он вернулся к практическим аспектам своей научной деятельности. Учитывая неопровержимые доказательства, представленные Эйнштейном в его специальной теории относительности о том, что время замедляется при

⁹ Подробнее: *Lewis D. The Philosophy of Time.*

¹⁰ *Стивен Хокинг* – английский физик-теоретик, космолог и астрофизик, писатель.

приближении к центру планеты Земля, естественным правильным ответом могло быть только утвердительное «да». Следовательно, временной тоннель, берущий свое начало у горного массива Кара-Даг, должен направляться к центру Земли, а далее, изменяя свое течение под определенным углом, снова выходить на поверхность где-то за тысячи километров. Не находясь в распоряжении института, возглавляемого Царевым, вычислительного центра с самыми мощными современными компьютерами, на математические вычисления, связанные с поиском траектории этого временного тоннеля, потребовались бы десятилетия. В новой реальности на все ушло менее шестидесяти дней. Когда на столе у директора появились не только точная формула, описывающая многомерное пространство гравитационной петли, стремящейся к центру земного шара, а затем выбрасывающейся наружу, но и подтвержденные координаты системой ГЛОНАСС обеих ее щелей, Царев невольно усмехнулся. И уже другими глазами посмотрел на фигуру номер один дифракционного распределения. – Теперь становится понятно, откуда у китайцев взялся этот их дракон, – сказал он тогда, обращаясь ко всем присутствующим на совещании.

– Обе щели находятся довольно глубоко под водой, некоторые доисторические животные, случайно попадая в воронку времени, то и дело оказываются вне своей эпохи. Погибающие дельфины не более чем приемлемое для них питание. Само же спектральное видение змея или, соответствен-

но, дракона абсолютно безобидно, – поспешил с уточнениями непосредственный руководитель всего проекта.

– Значит, живые существа неоднократно и безболезненно могут перемещаться во времени, и будущему URPE ничего не грозит? – спросил Изотов, который знал наперед, что кадровые вопросы по подбору волонтеров поручат ему.

– К сожалению, нет, – ответил руководитель проекта.

– Как так? – растерянность сквозила в интонации Царева, несмотря на умение сохранять самообладание в самых неприятных ситуациях.

– Время жизни доисторического животного, попавшего в настоящее, исчисляется минутами. Его плоть распадается на элементарные частицы сразу после смерти практически мгновенно. В противоположном случае мы не знаем о судьбе рыбы или млекопитающего почти ничего, – вступил в разговор заведующий кафедрой биохимии пограничных состояний.

– Что значит почти ничего? Вообще ничего или ничего-ничего? Почти ноль – это сколько? – действуя всегда в интересах Царева, Изотов порой позволял себе дозированную грубость. Он знал, что биохимик, прежде чем отвечать, дождется реакции директора, которому, по понятным причинам, всегда приходилось соблюдать приличия. – Мы начали помечать радиоактивными изотопами некоторых дельфинов, находящихся в акватории, прилегающей к черноморской щели. Результаты спорные, но в целом обнадеживаю-

щие. Время предполагаемого существования животного, попавшего в прошлое, зависит от глубины этого прошлого. В любом случае фактов гибели живых существ при движении в направлении, обратном обычному временному потоку, не зафиксировано. Кроме того, возможно организовать эвакуацию, но нам потребуются непрерывные потоки отрицательной энергии.

Сможем ли мы хранить ее в квантовом вакууме, это вопрос, остающийся открытым по сей день, – ответил за биохимика руководитель проекта.

Сразу после совещания Царев, составив отчет на треть листа стандартного офисного формата, уехал к куратору. Даже несмотря на тысячи вопросов, остававшихся нерешенными, главное открытие, безусловно, можно было считать состоявшимся. Единственным, что раздражало Царева, была уверенность некоторых умников, что, путешествуя во временном пространстве, возможно решить все проблемы без его главного детища, а именно тонкой подстройки биополей.

– Мало того, что, заявляя открыто о своем несоответствии текущему времени, говорящий человек производит впечатление умалишенного, так ведь еще надо задаться вопросом, а почему кто-то должен согласиться с его мнением? – в сердцах спрашивал он то своего помощника, то секретаршу, то Изотова, если тому не удавалось вовремя ускользнуть.

И вот теперь, по прошествии стольких месяцев, недель и дней, сливавшихся в непрерывный временной поток, перед Сергеем Николаевичем Царевым лежало на столе донесение, из которого становилось абсолютно ясно, что они допустили серьезную ошибку. Как такое могло произойти, было не ясно. Во всем предстояло разбираться. Разбираться долго и кропотливо. И именно на это у Царева сейчас не было времени.

Покончив с воспоминаниями, он встал с кресла. Пройдясь по кабинету, посмотрел на циферблат настенных часов. Сколько раз за последний год он спрашивал себя, что есть время? Существует ли оно только для живых существ, измеряя возможность продолжительности поддержания низкой энтропии или, выражаясь более простым языком, упорядоченности атомов и состоящих из них молекул, необходимой для эффективного функционирования уникальной структуры, создаваемой макромолекулой дезоксирибонуклеиновой кислоты? Какая разница, сколько раз облетит Земля вокруг Солнца, для горы Джомолунгма? Масштаб происходящих изменений для бездушного камня станет хоть сколько-нибудь заметен (если вообще такое изменение произойдет) через миллионы витков одного космического объекта вокруг другого. Значит, секундные, минутные и часовые стрелки,

описывающие круги на больших и маленьких циферблатах, могут только помочь нам, людям, сопоставить наши планы и договоренности более точно, чем пользуясь фразами типа «встретимся вечером».

Рассердившись на самого себя за то, что снова отвлекся на абстрактные размышления, Сергей Николаевич вышел в приемную. Вернувшийся после отправки офицеров фельд-егерской связи Изотов, вместо того чтобы немедленно зайти в кабинет директора, совершенно нагло и неподобающе своему возрасту заигрывал с недавно принятой на работу секретаршей. Дабы не выдать интонацией разбушевавшееся в душе негодование не только от манкирования Изотовым сверхсрочных и сверхважных дел, но и от беспардонного проникновения одного на чужую поляну для охоты, Царев медленно досчитал до десяти. Собравшись, он поинтересовался у своего помощника, прекрасно понимавшего свою долю ответственности за беспринципность молоденькой секретарши, мило щебетавшей с начальником службы безопасности, о реакции в Академии наук и в правительстве на известие о невозможности его присутствия на давно запланированных мероприятиях и совещаниях.

Все присутствующие в приемной, а главное сам Изотов, прекрасно знали, насколько безразлична Цареву реакция на его действия со стороны любого начальства, не включенного непосредственно в научный цикл его исследований. Таким образом, вопрос, адресованный помощнику, заставил Пав-

ла Николаевича прекратить свои неуместные приставания и доложить по всей форме об успешном выполнении задачи по отправке важных визитеров.

– Давно вернулись? – все же не найдя в себе силы сдержаться и из-за этого переходя на официальное «вы», спросил его Царев.

– Секунду назад, – браво соврал Изотов.

– Я только сейчас размышлял о природе времени, и угрожающе крупные размеры твоей секунды подтверждают относительность его течения, – смягчаясь, пояснил Сергей Николаевич свои догадки о времени, прошедшем с момента возвращения Изотова после исполнения своей миссии.

– День – ночь, сутки прочь, – непонятно к чему выпалил солдафонскую присказку безопасник.

– Зайди, нам надо срочно собирать совещание, – велел Царев, закрепляя свое доминирующее положение в стае, и попросил секретаршу Верочку позвонить в буфет и заказать кофе и бутерброды.

* * *

Молчание в минивэне показалось Нине гробовым. Взгляды, брошенные в ее сторону после слов Ушакова о принятом решении срочно уехать, обожгли тело невидимым огнем. Одновременно горячая кровь промчалась по артериям и заставила ее покраснеть. Сердце, ухнув, упало куда-то вниз,

а затем помчалось галопом, мгновенно удвоив частоту Ни-
ниного пульса. В отличие от остальных, она почти не обра-
тила внимания на слова Егора Иноземцева о неслучайности
нахождения моряков на Крымском полуострове. Все мысли
Нины сейчас вертелись вокруг фатальных неудач на личном
фронте, преследовавших ее с роковым упорством. За непол-
ные двадцать лет жизни у нее не случилось ни одного стоя-
щего воспоминаний романа или хотя бы приятной по ощу-
щениям авантюры, о которой можно было бы вспомнить без
чувства брезгливости. Будь она некрасивой девушкой, ей,
наверное, легче было бы определить мотивы того или иного
претендента на свое внимание. Семья Нины однозначно за-
нимала привилегированное положение в обществе. Карьер-
ный рост молодого человека, берущего такую барышню се-
бе в жены, был обеспечен априори. Понимание возможности
такого расчета сильно ее угнетало. Она, Нина, как это подчас
случается даже у весьма прагматичных и ухватистых родите-
лей, пришла к концу своего второго десятка жизни с доволь-
но романтической и не испорченной борьбой за выживание ду-
шой. Чтение зарубежной и русской классической литерату-
ры только отдалило от реальности ее представление о добре
и зле. На самом деле даже вырваться сюда, в Коктебель, у
нее получилось не с первого раза. До этого она всегда ездила
к морю с папой и мамой. Чинно, достойно и скучно. В ран-
нем детстве местом отдыха бывали пляжи Италии и Фран-
ции. Потом отец купил огромный дом в ста километрах от

Барселоны. Легендарное Сагаро, почти незаметное на карте между Сан-Фелиу-де-Гишольс и Платхой-де-Аро¹¹, тогда было пристанищем для очень богатых аристократов партийной номенклатуры из развалившейся страны советов. Время бежало вперед. Менялась мода. Дом продали и стали отдыхать в Сочи, возможно, более шумном, но зато куда более демократичном и бюджетном. Словом, до сегодняшнего лета Нина никогда не оставалась на отдыхе одна, без присмотра заботливой мамы.

Здесь, в Коктебеле, предложений и возможностей для знакомства было пруд пруди. Это радовало и пугало. Девушки, с которыми она приехала сюда, старались держаться вместе только до поры до времени. Сразу после знакомства с веселыми моряками каждая стала сама за себя, и никто даже не подумал помочь ей отвязаться от настырного Трубача, посчитавшего, что первый разряд по боксу и приплюснутый от пропущенного свинга нос дают ему право первой ночи. Незаметно передавая записку Сане Ушакову со своим номером телефона и адресом, она не преминула разыграть козырную карту, указав адрес своей прописки. Сначала отсутствие его реакции на словосочетание «Крестовский остров» ее, скорее, обрадовало, так как показывало его бескорыстие в отношениях с женским полом, однако потом Нина приписала его нерешительность страху перед боксером Трубачом и загрустила еще сильнее. Только видя собранность

¹¹ Названия даны в звучании на каталонском языке.

и решительность, с которой Саня Ушаков повел себя в экстремальной ситуации при появлении несущегося в сторону Коктебельского пляжа чудовища, она поменяла свое мнение о нем и обо всем происходящем. Ей стало стыдно. Стыдно изображать из себя капризулю, мадемуазель Нитуш, другими словами, просто морочить голову задаваке Трубачу, не имевшему ни малейших перспектив на ее взаимность.

«А теперь, что теперь? – думала Нина, глядя в запыленное окно минивэна, скрипящего рессорами на каждом вираже. – Оказывается, он уже поменял билет. Надо раздобыть яду и покончить с моей никчемной жизнью сегодня вечером», – решила она, и ей сразу стало легче, хотя ничего подобного она делать не собиралась.

– Все, приехали! – заявил Сева Маслов, останавливаясь на парковке поближе к проходу на пляж.

– Девочки выходят, мальчики остаются! – заявил Егор Иноземцев, постепенно прибравший к рукам функции организатора.

Катя номер два и Нина, выскользнув из душного салона, немедленно направились в сторону моря. Стояла полуденная жара, но загорающих людей только прибавилось. Найдя глазами тех, кто оставался на пляже во время их экспедиции к водолазу, когда-то видевавшему змея, они направились напрямик в их сторону. За время их отсутствия в составе компании произошли довольно заметные изменения. К загорающим (теперь исключительно нагишом) Марине, Анне и

Кате номер один прибавились еще две дамы, также не стеснявшиеся демонстрировать свои стройные фигуры. Притащивший их неизвестно откуда Трубач усердно развлекал всю компанию, ловя ртом подбрасываемые вверх вишенки, при этом демонстрируя свою врожденную ловкость и отличную координацию. Противоречивая, как все особы женского пола, Нина почувствовала легкий укол ревности, но, немедленно взяв себя в руки, просто решила повременить с нудизмом. Завязав свои чуть выющиеся волосы в тугой конский хвост, она пошла купаться, не обращая внимания на взгляды, которыми всегда невольно сопровождали ее появление на пляже персоны мужского пола, независимо от возраста и социального положения.

Севе Маслову пришлось сделать пару кругов, прежде чем он заметил место, более или менее подходящее для парковки. Решивший настоять на своем и в любом случае уехать сегодня вечером, Ушаков терпеливо ждал начала разговора, рассчитывая перехватить инициативу и выложить свои аргументы в самом конце. Привыкший к женскому вниманию, он не очень переживал за чувства к нему со стороны Нины. Завязись их отношения с первого дня, с первой встречи тогда утром, после бессонной ночи в день его приезда, он бы, наверное, чувствовал хоть какие-то моральные обязательства перед ней. Однако, и он об этом сейчас не жалел, все сложилось иначе. Из уважения к дружбе, связавшей его и других моряков, Ушаков готов был выслушать Егора Иноземце-

ва, но не более того. Дальше его ждали аэропорт, Москва и серьезная взрослая жизнь с обязанностями и ответственностью за свои поступки.

– Поясни свои слова, что значит «мы здесь не просто так»? – первым завел разговор, которого ждали все присутствующие в салоне минивэна, Володя Башкирцев, как только Сева Маслов заглушил мотор, втиснувшись в конце концов в некое подобие парковочного пространства.

– Эти слова значат, что все вы выполняете негласное задание военной контрразведки и подчиняетесь непосредственно мне, Егору Иноземцеву, мичману тихоокеанского флота, – стараясь придать обыденность звучания столь пафосному заявлению, сказал Егор.

– Ты знал об этом? – обратился к Севе Маслову Башкирцев.

– Это сейчас не имеет значения, – безапелляционно заявил ему в ответ Егор Иноземцев.

– А что имеет? – не унимался Башкирцев. Он в недоумении поглядывал на своего товарища Ушакова, ожидая от того поддержки и возмущения такой бесцеремонностью со стороны Егора Иноземцева.

– Что перед нами стоит задание государственной важности, – со всей торжественностью, подобающей такому объявлению, ответил Егор.

– Шницелю поручили сожрать все запасы съестного в этом городе, а вам с Коротичем – перевоспитывать девчо-

нок, отучая их купаться голышом? – вмешался наконец Саня Ушаков.

– Вам недостаточно моих слов? – спросил Иноземцев удивленно, хотя на самом деле был уверен в таком развитии событий.

– А что изменится, если ты дашь им подтверждение? Мы не подписывали никаких бумаг, – возразил ему Ушаков.

– И спокойно дембельнулись, так что, Егор, хорош гнать пургу среди своих друзей, – поспешил добавить Башкирцев.

– Вот приказ о создании специального подразделения и включения тебя и Ушакова в его состав. Надеюсь, вам обоим не надо объяснять, что вы не можете отказаться, – сказал Егор Иноземцев, доставая из сумки, висевшей у него на поясе, листок бумаги, аккуратно упакованный в непромокаемый файл. Не узнать бланк канцелярии тихоокеанского флота было невозможно. Внимательно прочитав его содержание, Башкирцев передал приказ Ушакову.

– То есть сейчас на задании нас четверо в группе? – уточнил, возвращая бумагу своему новому командиру, Александр Ушаков.

– Да, остальные ничего не должны знать, – пояснил Иноземцев, убирая файл обратно в сумку.

– Что мы должны делать? – спросил, примирившись с обстоятельствами, Саня Ушаков.

– Сейчас вернемся на пляж, вечером нас вызовут для разъяснений дальнейших действий, – ответил ему Инозем-

цев.

– А когда можно получить денежное содержание и командировочные? Там указаны неплохие цифры, – поинтересовался Башкирцев, на самом деле очень довольный не только намечающимся приключением, но и тем, что Саня Ушаков остается с ними в Крыму.

– Прямо сейчас, – сказал Иноземцев.

Он вытащил из той же самой сумки пачку пятидесятирублевых купюр и, разделив ее на три равные части, раздал деньги Маслову, Ушакову и Башкирцеву.

– А чего ты нам сразу не сказал? – Саня Ушаков, словно не веря до конца в происходящее, смотрел на огромную по его меркам сумму денег.

– Встретимся со старшим, он объяснит. Мне говорили, но я до конца не понял, какой-то эффект наблюдателя. Вы должны были узнать о змее сами, – скомкал ответ Иноземцев.

– Лады, Егор, только давай договоримся общаться на равных. Хочешь быть лидером – заслужи наше уважение, – поставил условие Ушаков.

– А пока «никакой ты не командир»¹², – рассмеялся Башкирцев.

Остаток дня прошел без происшествий. Вечером решили идти на танцы. Вся компания ужинала на летней веранде

¹² Фраза из фильма «Максим Перепелица».

одного из прибрежных ресторанов, когда зазвонил телефон Иноземцева. Разговор длился не более тридцати секунд, после чего, не возвращаясь к столу, Егор Иноземцев объявил, что ему, Ушакову, Маслову и Башкирцеву необходимо срочно уехать, и он не знает, когда они вернутся.

* * *

Вернувшись в кабинет вместе с Изотовым, Царев сел в большое кожаное кресло, стоявшее возле невысокого журнального столика. Дождавшись, пока девушка-буфетчица расставит кофейник, чашечки для кофе и остальные принадлежности для употребления заокеанского напитка, он еще раз, теперь уже вслух, специально для Павла Николаевича прочитал текст секретного послания.

– Как такое могло случиться? – задал он самый сакраментальный в текущей ситуации вопрос, закончив чтение и откладывая в сторону листки бумаги.

– Могу перечислить тебе огромное количество версий, но сейчас это ничего не изменит. Только непонятно: почему японцы? Противоположный Крыму Ляодунский полуостров всегда принадлежал Китаю, – стараясь соблюдать спокойствие, Изотов попробовал порассуждать, хотя на самом деле ему как руководителю службы безопасности всего института легко могло прилететь в случае подтверждения утечки секретной информации.

– Японцы затаились после поражения во второй мировой войне. Немцы вон тоже улыбались и заискивали, пока не показали свою реваншистскую сущность при первом удобном случае. Однако ты прав. Это загадка останется для нас неразрешенной до встречи с нашим куратором, – сказал Царев, поднимаясь с кресла. Не ставя чашку с кофе на журнальный столик, он подошел к своему рабочему столу и снял телефонную трубку специальной АТС.

На этот раз его соединили с куратором. Обменявшись с абонентом на противоположном конце линии подобающим в сложившихся обстоятельствах сухим приветствием, Царев внимательно выслушал инструкции по дальнейшим действиям.

– Что делаем дальше? – спросил Изотов, как только понял, что его старший товарищ закончил разговор.

– Нас смогут принять не раньше завтрашнего утра. Попросили быть готовыми к отправке URPE, – задумчиво ответил Царев.

– Но у меня нет ни одной подходящей кандидатуры, – попробовал возразить Изотов.

– Думаю, теперь это не наша забота, – по-философски подвел итог их небольшого диспута Царев.

Он тут же вызвал помощника и, как всегда в случаях авралов и чрезвычайных ситуаций, распорядился о присутствии всех без исключения сотрудников Института на своих местах.

К удивлению, пожалуй, всех, кроме Егора Иноземцева, на встречу для разъяснения стоящих перед группой задач они поехали не на привычном стареньком минивэне. Недалеко от дома Севы Маслова их поджидал внушительного вида внедорожник с дополнительным рядом откидных кресел. Дорога заняла немногим более часа. Несмотря на почти непроницаемую темноту крымской ночи и глухо затонированные стекла, по разговору водителя с дежурным на КПП стало понятно, что они въехали на закрытую территорию войсковой части. После проверки документов и путевого листа сидевший за рулем человек снова поднял стекло, и пассажирам опять стало ничего не видно вокруг. Проехав еще не более пятисот метров, внедорожник вновь притормозил перед воротами авиационного ангара. На этот раз обошлось без всяких объяснений. Ворота распахнулись, и машина, въехав внутрь, остановилась рядом с десятком точно таких же внедорожников, не отличавшихся друг от друга даже номерными знаками. После поездки в почти абсолютной темноте ребята жмурились от яркого искусственного света, заливавшего все окружающее пространство, размеры которого поражали воображение. На площади не менее, чем полтора футбольных стадиона, шла интенсивная подготовка к чему-то очень важному и значительному. Из покрашенных

в защитный камуфляж кунгов радиолокационных машин то и дело появлялись младшие офицеры и мичманы, спешившие с полученными радиограммами в сторону штаба в центре авиационного ангара. В самом дальнем углу к поисковым работам готовилась целая рота кинологов с овчарками на коротких поводках.

— Где вы так долго? — запыхавшись, спросил подбежавший к ним лейтенант. — Идемте скорее, вас ждут.

Оставив водителя возле его внедорожника, моряки быстрым шагом поспешили вслед за встретившим их лейтенантом в сторону штаба, представлявшего из себя сооруженную внутри ангара легкую конструкцию наподобие тех, что используют строители. Отличительной чертой всего этого сооружения было гладкое, без единого шва, внешнее покрытие, обеспечивающее полную непроницаемость от радиомагнитных волн.

Несмотря на ту поспешность, которая была навязана встретившим лейтенантом, им пришлось ожидать приема у руководства. Видимо, кто-то более важный в текущем моменте получил возможность попасть на инструктаж как раз в тот промежуток времени, пока они задержались на парковке. Пока они ожидали, стоя в коридоре напротив металлической двери, по количеству запоров скорее напоминавшей вход в банковское хранилище, чем в заурядный кабинет войскового начальства, каждый из них по-своему оценивал свои собственные перспективы. Хуже всех чувствовал себя Сева

Маслов, который никогда не думал связывать свою судьбу со службой в любом из возможных вариантов. По большому счету, он и на флот попал по недоразумению, перепутав двери в военкомате. Потом, поддавшись посулам Егора Иноземцева организовать его демобилизацию с первой партией, он согласился ему помочь собрать нескольких боевых пловцов в Крыму. Сева до сегодняшнего дня даже не подозревал о серьезности всего происходящего и сейчас, стоя рядом с остальными, ругал себя и Иноземцева, не стесняясь в выражениях. Сам же Егор чувствовал себя на седьмом небе. С первых дней службы он понял для себя, кто главный на корабле. И в системе его координат главным оказался отнюдь не морской волк в звании капитана первого ранга, а незаметный хозяин скромной каюты с табличкой, содержащей только Фамилию-Имя-Отчество. Сразу заметим, что Егор никогда не был стукачом, да и самого особиста не интересовали вопросы частного характера, включая тривиальные сплетни и суждения, высказываемые в матросских кубриках. Их деятельность, не прекращавшаяся ни днем ни ночью, по своей природе ни при каких обстоятельствах не должна была быть заметна или понятна.

После того как беседа с Ушаковым и Башкирцевым завершилась успешно, согласием обоих сотрудничать и выполнять необходимые поручения, Иноземцев вполне оправданно ожидал поощрения со стороны своего руководства. Признаться честно, возможная реакция обоих моряков его тре-

вожила и немного пугала. Не в смысле возможной физической расправы, Иноземцев последние месяцы усердно занимался изучением рукопашного боя и вполне мог за себя постоять. Однако после года службы ситуация, когда человеку неожиданно ставится условие вернуться в строй, многим может прийти не по душе. Стоя теперь рядом с ними в коридоре штабного модуля, он, бросая на них незаметные взгляды, вспоминал, как долго и кропотливо особист просматривал личные дела моряков, отбирая наиболее подходящих. «Понимаешь, у нас нет права на ошибку, – пояснял контрразведчик Иноземцеву. – Если они прямо откажутся или начнут задавать слишком много вопросов, выторговывая себе дополнительные условия, нам, конечно, придется их заменить, а это означает потерю времени. Для поставленной задачи нужны люди с устойчивой психикой и высокими морально-волевыми качествами. Не каждый подойдет, да и не каждый согласится на риск. При установлении доверительного контакта многое зависит и от тебя. Всего словами не объяснишь. Если справишься с такой задачей, считай, есть у тебя талант для работы с людьми».

Что ж, и Ушаков, и Башкирцев не подвели. Оправдали ожидания самого особиста, и его, Иноземцева, усердные многомесячные усилия не прошли даром. Как ни старались внешне оба матроса показать, что решающей частью договора была кругленькая сумма, выплаченная им обоим, Иноземцев прекрасно понимал, что это только для отвода глаз. Чув-

ство локтя, возможность послужить своей стране, несмотря на очевидные риск и опасность, вот что двигало Ушаковым и Башкирцевым, несмотря на внешнюю меркантильность.

Все четверо моряков и сопровождающий их лейтенант стояли в коридоре, ожидая своей очереди, воздерживаясь от разговоров и комментариев. У каждого из них были свои зоны к такой сдержанности. Ушаков только позволил себе несколько раз обменяться взглядами со своим другом Башкирцевым. Каждый из них знал почти наверняка, что самая сложная работа, связанная с физическими усилиями, требующими их феноменальной выносливости и специфических навыков боевых пловцов, выпадет на их долю. Оба они ошибались. Им и в голову не могло прийти, что задание в этот раз будет настолько же необычным, насколько опасным и, возможно, невыполнимым.

* * *

После внезапного отъезда четверых моряков компания молодежи, пополнившаяся днем непонятно на какой основе привлеченными Трубачом девушками, немедленно разделилась в своих приоритетах на проведение оставшихся часов июльской ночи. Мнения даже внутри союзнических групп разнились настолько, что не было никаких шансов хоть как-то договориться. Шницель и Катя номер один просто ушли, не утруждая себя церемонией прощания. Коротич, явно тер-

заемый обидой за то, что его друзья уехали без него, тут же рассорился еще и с Мариной, которую он, по правде говоря, не сильно ценил с самого начала. Подозревая, что она досталась ему из-за сговора Иноземцева с Масловым и что Катя номер два и Аня, соответственно распределенные между ними, очевидно лучше, чем его Марина, он с самого первого дня не находил себе места и ссорился с ней по три раза за день. Трубач звал обеих своих новых знакомых уединиться втроем в каком-то сомнительном отеле, на что они отвечали шутками и размытыми обещаниями поступить именно так, но исключительно после посещения модного ночного клуба. А так как у Васи Трубача, совершенно очевидно, ни при каких вариантах не могло найтись для такой экскурсии необходимых ресурсов, он продолжал уговаривать их, перемежая свое нытье сказками и небылицами про ожидаемое им наследство.

Поняв, что сегодня никаких танцев ждать не следует, и сам Ушаков, даже если и вернется вместе с остальными не слишком поздно, вряд ли будет расположен к веселью, Нина помогла Севиной маме убрать со стола и, решив не дожидаться шушукавшихся о чем-то в уголке Катю номер два и Аню, ушла к себе в гостиницу в обществе хнычущей от несправедливой обиды Марины.

Разливающийся повсюду свет огромной луны делал темную синеву неба почти прозрачной, и казалось, что до звезд можно запросто дотянуться. Узкая дорожка, когда-то ас-

фальтированная, а сейчас вся покрытая проросшим между потрескавшимся покрытием сорняком, петляя, вела вниз, в сторону центра поселка. Чтобы не оступиться, Нине и Марине приходилось больше смотреть под ноги, чем на мерцающие созвездия. Неожиданно сзади послышался звук торопливых шагов. Обернувшись, девушки увидели спешившего к ним Женю Коротича. Черты его лица, сначала радостно-приветливые, изменились за долю секунды. Ни Марина, ни Нина никогда не видели его таким раньше. Что это было, страх или готовность принять неравный бой, девушкам не суждено было узнать уже никогда. Они смотрели на живого Коротича последние секунды. Маленький металлический предмет, пущенный кем-то, стоявшим у них за спиной, с характерным свистом пролетев между Ниной и Мариной, воткнулся Коротичу в сонную артерию. Постояв совсем немного на ногах и удивленно трогая обеими руками торчавший из шеи японский уракен, он сначала опустился на правое колено и уже потом упал лицом вниз, заливая асфальтовую крошку кровью, тугой струей вытекавшей из разорванной артерии. Девушки бросились к нему, Нина, остановившись рядом, хотела перевернуть его на спину и хоть как-то попытаться спасти, остановив кровотечение. Мозг его уже отключился, но сердце продолжало выкачивать по венам оставшуюся в сержанте кровь. Возможно, это было ее ошибкой. На голову ей набросили черный мешок, и кто-то очень сильными и умелыми руками полностью лишил ее возможности свободно двигаться.

В свою очередь Марина, уверенная, что ничем помочь Коротичу не сможет ни при каких обстоятельствах, просто побегала обратно к Севинуому дому. Несмотря на свою немного нескладную фигуру, она отлично двигалась и имела преимущество молодость, позволяющую ей долго сохранять дыхание. Почти успев добежать до первого поворота извилистой тропинки, Марина могла бы похвастаться, что выбралась из передраги без единой царапины. Однако два почти одновременно отправленных ей вслед метательных снаряда хоть и не поразили ее насмерть, но, причиняя дикую боль, воткнулись в область левой лопатки. Закричав от боли и страха, она упала на четвереньки и, по-звериному перебирая всеми четырьмя конечностями, продолжила двигаться к своему спасению. Почувствовав, что рана не опасна, девушка нашла в себе силы подняться на ноги и бежать дальше, крича так громко, что в окнах соседних домов начал зажигаться свет.

Крик этот настолько запечатлелся в Нинином сознании, что, даже лежа на полу какой-то машины, спешно уезжавшей с места ее похищения, она продолжала отчетливо его слышать. Шок, сопровождавший и определявший ее поведение с того мгновения, как изменившийся в лице старшина Женя Коротич получил смертельное ранение, замкнул у Нины нейронную цепочку, отвечавшую за врожденный инстинкт самосохранения. Скрючившись на полу трясущегося на ухабах автомобиля, с мешком на голове и связанными за спиной руками, она не чувствовала страха. Душа ее, слов-

но отделившись от тела, зависла где-то рядом и наблюдала за всем спокойно и без сожаления. Только визг убежавшей Марины, похожий на вой болотной выпи, давил на барабанные перепонки, мешая слышать какую-то тарабарщину, проносимую ее похитителями на совсем незнакомом ей языке. Несмотря на мешок, надетый ей на голову, Нина почему-то знала, сколько мужчин и женщин находятся в машине. Три мужчины и одна женщина, не считая ее самой, мчались сейчас в сторону поселка имени Орджоникидзе. Все четверо сопровождавших ее людей были азиатами. Ощущение пустоты в своем теле постепенно становилось невыносимым. Ей пришлось приложить усилие для воссоединения души и тела. Вздогнув от конвульсии, словно электрическим током хлестнувшей ее тело от пяток до макушки, она наконец почувствовала себя одушевленным предметом. Крик убежавшей Марины, звеневший в ушах, пропал, зато появилось ощущение утери чего-то важного, возможно, свободы, а возможно, и шанса на спасение. Глубина и последствия ошибки, непонятно когда, где и почему ею совершенной, приведшей Нину в столь плачевное положение, давили на нее изнутри, словно предлагая снова отключиться и забыться в спасительном беспомыслии.

– Очнулась? – то ли спросила ее, то ли просто констатировала факт женщина, сидевшая где-то рядом.

Пальцы, твердые, как деревянные, прикоснулись к Нининой шее, пробуя нащупать пульс. Опять раздалась незнако-

мая речь. Потом ее подняли с пола и усадили на сиденье. Один из похитителей, сидевший рядом с ней, стянул с ее головы мешок. Машина продолжала плавное движение, скрупулезно соблюдая установленный местными властями скоростной режим.

– Ты знаешь, зачем тебя привезли сюда? – спросила азиатка, пристально разглядывая Нинины черты лица, словно стараясь угадать в них зашифрованную кем-то тайну.

– Кто вы? – произнесла пересохшими губами Нина первые пришедшие ей на ум слова.

– Мы приехали тебя спасти от неминуемой смерти, которую тебе готовили твои якобы друзья. Они говорили тебе, зачем ты нужна им здесь, в Коктебеле? – продолжала настаивать допрашивающая ее женщина.

Она сидела на переднем сиденье рядом с третьим азиатом, управлявшим автомобилем. Ее без всяких оговорок можно было назвать красивой. Очень красивой. Такой красотой из всех азиатских женщин могли похвастаться только японки, выходцы из привилегированных сословий, подвизавшихся на дипломатической службе императора и подолгу проводивших время среди аристократов старого света. Нина, разбиравшаяся в таких вещах, сразу сделала для себя необходимую пометку в памяти об этом факте. Японцы. Нация, причисляющая хитрость, коварство и обман к добродетели. Продолжение разговора сулило только еще большую запутанность в мотивах ее похищения и в причине убийства про-

стоватого старшины. «Хотя нет, со смертью Жени Коротича все проще», – с горечью подумала про себя Нина, все еще колеблясь с решением вопроса, какую линию поведения следует выбрать на ближайшее время. Пытаться сохранить достоинство? Беспокоиться за свою жизнь? Ей совсем не хотелось умирать, а страх получить увечья довлел над ней, наврное, еще сильнее, чем страх смерти.

– Можешь не волноваться, мы не причиним тебе зла, – словно прочитав ее мысли, продолжила японка свои попытки начать диалог.

– Вы уже это сделали. Зачем вы убили ни в чем не повинного молодого парня? – удивляясь себе самой, Нина сказала первое, пришедшее ей на ум, просто чтобы не молчать.

– Я говорю о будущем, а ты вспоминаешь прошлое, – вкрадчиво сказала японка, мило улыбаясь рассерженной Нине.

– Прошлое определяет настоящее, – постаралась как можно спокойнее ответить Нина.

– Развяжите ей руки, – приказала японка сопровождавшим их головорезам.

Двое сидевших по бокам Нины мужчин, ни слова не говоря, выполнили распоряжение. Отодвинувшись от Нины, они дали ей немного свободного пространства. Теперь она могла изменить позу и растереть затекшие запястья своих рук.

– Как видишь, настоящее формируется еще и волей существующих в нем личностей ничуть не хуже, чем прошлым.

Значит, будущее не предопределяется ни первым, ни вторым, а раз так, то и прошлое может меняться. Тебя привезли в Коктебель именно за этим. — Японка продолжила говорить загадками.

— Меня никто не привозил. Я приехала сюда с Аней Серебряковой. Она моя подруга, — поначалу не уловив, куда клонит ее собеседница, Нина, как ей казалось, говорила чистую правду, однако постепенно в ее памяти начинали всплывать какие-то фрагменты их разговоров с Серебряковой. Как ни старалась она отогнать наползавшие сомнения, они не выходили у нее из головы. Понимание неслучайности их сближения за последнее время с каждой секундой становилось все более четким. — Мы поговорим об этом позже, — заявила японка, видя, что они вот-вот приедут к месту своего ночного автопробега. — Впредь обращай ко мне онесан¹³Юа.

На голову Нины снова надели черный балахон. Принимая свою судьбу, девушка не сопротивлялась, несмотря на то что руки ее теперь были свободны и мирно лежали у нее на коленках. Машина, плавно притормозив, медленно въехала в какое-то довольно узкое пространство. Водитель заглушил мотор. Дальше движение продолжилось по вертикали вниз. Они спускались на автомобильном лифте, и Нина невольно задавала себе вопрос, какой может оказаться глубина этого инженерного сооружения.

¹³ Старшая сестра из чужой семьи (яп.).

Длинный стол для больших совещаний тянулся так далеко от того края, где занимал главенствующее место Сергей Николаевич Царев, что приходилось пользоваться микрофонами, установленными напротив каждого рабочего места. Это были именно микрофоны и только для усиления звука. В свое время Изотов предложил воспользоваться этими микрофонами для записи всего того, что высказывают ученые во время совещаний. Он даже сумел подвести под это предложение на первый взгляд разумную идею не дать пропасть таким образом ни одному умному или неожиданному решению. Не тратя времени на объяснение причин, Царев ответил ему отказом, сохранив здоровую атмосферу свободы и креатива в коллективе научной элиты.

Несмотря на долгие летние дни и короткие ночи, за окном давно было темно. Слушая очередного докладчика, Царев чувствовал внутри себя необъяснимую тревогу. Возможно, ему было страшно признаться самому себе, что, давая вот так подолгу, без всякого регламента, говорить каждому из сидящих за столом докторов наук и членов-корреспондентов академии, он на самом деле тянет время. Просто-напросто боится остаться в одиночестве, боится беспрерывно мучить себя вопросом, кто виноват в случившейся утечке, утечка ли это вообще и как и почему на той стороне туннеля, а воз-

можно, уже и на этой, могли появиться японские офицеры. Отказ куратора от немедленной встречи только разогревал его сомнения. При этом его уверенность в эффективности службы, возглавляемой его старым другом Павлом Николаевичем Изотовым, была незыблема. Все остальные здесь присутствующие, хотя и были посвящены в самые мельчайшие детали секретного исследования, давно уже не имели никаких контактов с внешним миром. Размышляя, Царев не переставал делать пометки в своем блокноте. Слова докладчика, сказанные как будто вскользь, без акцента, придающего этим словам существенную важность, заставили Царева нахмурить брови.

– Семен Яковлевич, – обратился он по имени-отчеству к молодому совсем физику, описывавшему прогноз корреляции расчетного времени возврата в свою эпоху млекопитающего, запутавшегося в квантовых пустотах гравитационной петли, от эффективности работы гиперпушки, испускающей отрицательную энергию для нивелирования пинч-эффекта горловины временного туннеля.

Все присутствующие за столом специалисты, немедленно подобравшись и стряхнув с себя нахлынувшую на них по причине обыденности повторяемых вещей сонность, смотрели то на Царева, то на замершего как истукан докладчика. Сергей Николаевич позволял себе перебить докладчика в очень редких случаях, а уж обращение по имени-отчеству означало только эпический промах, допущенный или в рас-

четах, или в логике текущих рассуждений.

– Семен Яковлевич, голубчик, а что же означают вот эти четыре пиковых значения восемнадцатого и шестьдесят третьего измерений гравитации во внутреннем пространстве черной дыры, фиксируемые уже неоднократно, начиная с декабря прошлого года? Не хотите ли вы сказать нам, что несчастные дельфины, попавшие в воронку времени, сумели, воспользовавшись своим собственным разумом, вернуться из палеолита обратно в Черное море нашего времени? Вы же не могли не обратить внимания на эти случаи? – задав сразу три вопроса, Царев сделал паузу и, вертя в правой руке остро заточенный карандаш, пристально смотрел на немного растерявшегося ученого.

– Я докладывал о первых двух всплесках восемнадцатого и шестьдесят третьего измерений в многомерной матрице, – ответил молодой физик.

– Кому именно? – Тон вопроса, задаваемого Царевым, не сулил ничего доброго тем, кто упустил нечто принципиально важное.

Ему не надо было догадываться о последствиях. Итоги только что обнаруженной ошибки еще днем привезли и вручили ему офицеры фельдъегерской связи. Теперь было архиважно еще до встречи с куратором выложить тому план действий, способный спасти такой перспективный проект.

– Я разговаривал с Павлом Николаевичем Изотовым, но он сказал мне, что наша лаборатория давно выбрала лимит

по потреблению электроэнергии, и он распорядился поставить отсечку на автоматы наших силовых кабелей. Он предложил нам заранее согласовывать с ним все мероприятия, когда нам требуется повышенные мощности. Так как пиковые показатели стали появляться только после установки отсечки на силовом кабеле, мы связали одно с другим. А дельфин действительно пока никакой не возвращался, – закончив говорить не очень приятные для всех вещи, двадцатилетний Семен Яковлевич позволил себе пошутить про дельфина и сам первым рассмеялся своей шутке.

– Стране нужны герои, а рожают дураков, – не сдержался Сергей Николаевич.

– Я отправлял циркуляр о необходимости бережно относиться к любым ресурсам, включая электроэнергию, во все подразделения института. Если какой-то дельфин не смог вернуться, значит, его плохо дрессировали. Не надо валить с больной головы на здоровую, – моментально набылчился Изотов.

– Я не знаю, о какой дрессировке вы мне говорите, но идея неплоха. Два часа назад вы сетовали на отсутствие подготовленных кадров для URPE-миссии, но сейчас я вижу минимум двух кандидатов, сидящих за этим столом, – не скрывая ехидства, в ответ ему произнес Сергей Николаевич.

– Но я не совсем понимаю, в чем моя вина, – чуть не плача от незаслуженной, по его мнению, обиды пролепетал Семен Яковлевич. Он был отличный физик и мог на кончике сво-

его пера рассчитать траекторию движения галактики, находящейся в сотне миллионов световых лет от Земли, но быть URPE никак не входило в его планы. – К сожалению, даже я не знаю, сможем ли мы хоть как-то сгладить те проблемы, которые имеем сейчас. У нас есть неопределенное количество времени на полный пересчет пропущенных вами показателей. Успеем посчитать до звонка куратора – хорошо, не успеем – продолжим работу параллельно с неприятными объяснениями, – подвел итог совещания Царев. Он поднялся из-за стола, показывая всем, что надо идти и считать все сначала.

Всячески стараясь делать вид, что он здесь не при делах, Изотов как ни в чем не бывало захлопнул свой кожаный блокнот, не преминув при этом аккуратно заложить страницы шелковым шнурком, входящим в комплект этой ценной канцелярской принадлежности. Подмигнув секретарше Верочке, он протиснулся в кабинет Царева.

– Ты сегодня был в спортзале? – спросил его Царев.

– Конечно был, – стараясь придать бесхитростное выражение своему лицу, ответил Павел Николаевич.

– Шею качал?

– Конечно качал! А как же, мост, забегания, перекидывания. Обычный комплекс.

– Ты должен сделать себе харакири, – сказал Царев, снимая с подставки большую и маленькую японские катаны, подаренные ему много лет назад.

– Сэппуку, сейчас чаще используют это слово, – покорно согласился Изотов.

– Да, наверное. Смотри, вставай на колени. – Царев подтолкнул ему навстречу небольшой коврик. – Маленькой катаной тычь себе в живот и потом резко вверх, а я встану за спиной и как твой товарищ отсеку тебе голову, дабы лишить излишних страданий.

– Забери себе моего бультерьера, собака ни в чем не виновата и наверняка станет по мне скучать, – высказал свою последнюю просьбу Изотов. Он снял туфли из черной крокодиловой кожи и покорно опустил на половичок.

– Чем ты его кормишь? – спрашивая, Царев одновременно примерялся, как поудобнее взмахнуть мечом.

– В холодильнике стоят банки с питанием, считаешь, чай грамотный, – уже не соблюдая прежнего пиетета в отношениях, ответил Изотов, когда дверь кабинета распахнулась и в сопровождении испуганной Верочки на пороге появился куратор, по соображениям секретности приехавший в институт лично.

* * *

Марина всегда немного комплексовала по поводу своих, как ей казалось, коротких и довольно полноватых ног. Стараясь скрыть оба этих непонятно почему причисляемых к недостаткам фактов, она носила длинные широкие юбки и

обувь на платформе или с каблуком. В этот злосчастный вечер, несмотря на жару и довольно раздолбанное покрытие местных дорог, она, как обычно, нарядилась в туфли, каблуки которых сначала мешали ей бежать, а затем один из них, сломавшись, заставил ее ковылять из последних сил. Ручейки крови, сочившейся из ран на спине, смешивались с едким потом, окрашивая блузку и юбку в красный цвет. Остановившись возле калитки палисадника, где всего несколько минут назад она попрощалась с Аней и Катей номер два, Марина схватилась за штакетину и потянула на себя. Калитка, никогда не запиравшаяся днем, теперь оказалась замкнута на внутреннюю щеколду, до которой девушка, стоя снаружи, не могла дотянуться. Тряся калитку, Марина снова закричала. От охватившего ее панического страха ей казалось, что она сейчас умрет. Услышав крик своей подруги, две девушки, единственные, кто из всей веселой компании оставались сейчас в доме Севы Маслова, выбежали ей навстречу.

– Вызовите мне скорую, – рыдала Марина, повиснув на подбежавшей к ней Ане.

– Да что с тобой случилось? – испуганно повторяла Катя номер два. От вида крови, пропитавшей Маринину одежду, ей стало плохо, и она пыталась подавить подступавшую к горлу тошноту.

– На нас напали. Вызовите скорую! – повторяла Марина.

– Кто напал? Почему? – спросила Анна, усаживая свою подругу на один из пластмассовых стульев, стоящих вокруг

уличного стола.

На Ане были джинсы в обтяжку, подчеркивающие ее стройные длинные ноги, и черная блузка с пуговицами, готовыми вот-вот лопнуть в районе груди. Теперь и на ее одежде повсюду были следы крови, которые оставались на всем, к чему только прикасалась рыдающая Марина.

– Я не знаю, отвезите меня в больницу.

– А где Нина и Женя? – Анна продолжала задавать вопросы удивительно спокойно.

Она уже увидела две японские звездочки, торчавшие из Марининой лопатки, и спрашивала себя, как такое могло случиться. Как профессионалы высочайшего уровня не смогли справиться с простоватой толстушкой, убежавшей от них на десятисантиметровых каблуках.

– Я понятия не имею! Мне нужен врач, я могу умереть, – продолжала всхлипывать Марина. Сидя на стуле, она смогла отдышаться и немного прийти в себя. Раны не причиняли ей сильной боли, но шок и страх продолжали разрушать ее сознание.

– Мариночка, не волнуйся, я уже звоню в скорую помощь, – затараторила сумевшая справиться с тошнотой Катя номер два.

– Подожди, может, лучше дождаться ребят? – пытаюсь тянуть время, предложила Анна. Обстановка сложилась критическая, принимать решение, не посоветовавшись с теми, кто все это затеял, она опасалась.

– Алло, скорая? – спросила кого-то на другом конце линии Катя номер два, не обратив внимания на предложение Анны.

Отступить или медлить далее не было ни смысла, ни возможности. Точным ударом в подбородок сбив Катю номер два на землю, Анна подняла выроненный при падении телефон. Извинившись за ложный вызов, девушка мимолетным прикосновением к красному кружку на экране закончила разговор, после чего отсоединила аккумуляторную батарею и, вытащив симку, разломил ее пополам. Перестав скулить, Марина смотрела на происходящее оторопелыми глазами. Животным инстинктом вновь почуяв беду, она вскочила на ноги и собиралась повторить свое чудесное спасение, но сбросившая личину дружеского участия Аня была к этому готова. Ловко подставив подножку начавшей свой побег Марине так, что одна нога девушки зацепилась за другую и привела к неминуемому падению лицом вниз, Анна прыгнула ей на спину и, перекрыв пальцами поступление крови в мозг через сонную артерию, на некоторое время полностью отключила ее сознание.

Замерев на некоторое время, Анна внимательно осмотрела двор и дом. Окно комнаты, где обычно спала мать Севы Маслова, так и не засветилось электрическим светом. Анна мысленно похвалила себя за предусмотрительность. Исполняя роль девушки Севы, она как можно ближе сошлась с его мамой. Еще далеко не пожилая женщина охотно общалась с

молодой и привлекательной девушкой, хотя негласно осуждала ее фанатичную склонность при всяком удобном случае загорать нагишом. Затрагивая тему опасности чрезмерного воздействия солнечных лучей, обе они волей-неволей переходили на тему общего здоровья, излишней нервозности и плохого сна. Как представитель молодого поколения Анна не без оснований позиционировала себя хорошо разбирающейся в современной фарме. Таблетки, рекомендованные ею как идеальное средство от стресса для женщин среднего возраста, имели побочным эффектом повышенную сонливость, но так могло быть даже лучше, учитывая фиговую звукоизоляцию межкомнатных перегородок перенаселенного на данный момент дома.

Тишина, стоявшая вокруг, успокоила Анну. Марина и Катя номер два, не очнувшиеся до сих пор, казалось, просто спали на земляном покрытии двора, одна, раскинувшись в позе морской звезды, другая – уткнувшись носом в пучок сорной травы. Пришла пора уходить. В том, что случилось и еще неминуемо должно случиться, не было ее вины. Оставить кого-либо из присутствующих в живых она не имела права. Не чувствуя ни жалости, ни сострадания, она перенесла тела еще живых девушек внутрь дома. Вынув оба ура-кена из Мариной спины, она аккуратно положила ту на кровать. Придавив подушкой лицо, она постояла так некоторое время, дожидаясь, когда перестанет биться сердце. Те же действия она проделала и со спящей как ни в чем не бы-

вало матерью Севы, и с Катей номер два, положив ее на кровать, где все последние дни они спали с Севой Масловым. Аня делала все спокойно и никуда не торопясь. Сняв с Кати номер два всю одежду, она поменялась с ней сережками и цепочкой. По росту девушки отличались не сильно, и вся Катина одежда могла на первых порах ей подойти, а надолго она была ей не нужна.

Еще раз обойдя все комнаты и дворик, она вернулась в дом и, чиркнув спичкой, подожгла бумажные обои возле электрической розетки. Подождав, пока займется огонь, Анна вышла на улицу. Со стороны это была не кто иная, как Катя номер два. Большие темные очки и бейсболка, надвинутая на самый лоб, должны будут подсказать тем, кто потом увидит ее изображение, снятое видеокамерами на автовокзале и аэропорту, что Катя пыталась скрыться, надеясь на дилетантскую маскировку. Время, пока пройдут все экспертизы, работало на Анну. Только потом, когда станет ясно, что в легких погибших нет дыма, картинка примет другой ракурс. Но все, что ей надо успеть сделать, она успеет и так.

* * *

Привыкший к экстравагантным выходкам Сергея Николаевича Царева, куратор ничуть не удивился, застав руководство института за подготовкой к обряду сэппуку. Всю торжественность момента испортила легкомысленная Верочка,

как все женщины, склонная к экзальтации и чрезмерно серьезному отношению к бытовым мелочам. Увидев, что японский меч в руках бесстрастного и безжалостного директора достиг апогея набора потенциальной энергии, она бросилась к нему, вереща нечто нечленораздельное.

– Ага, значит, мои подозрения насчет твоих приставаний к секретарше были не напрасны, – чему-то радуясь, спросил Царев, стараясь отцепиться от девушки и усадить ее в кресло.

– У тебя молодая жена, да и возраст, пора бы тебе остепениться, – ворчливо оправдывался Изотов, вставая с коврика и надевая свои крокодиловые туфли.

– Возможно, Вера Павловна просто спасала вас, Сергей Николаевич, от смертного греха, – примирительно заговорил куратор.

– Желание помочь товарищу закончить священный обряд харакири не может причисляться к грехам, описанным на скрижалях Моисея, – недовольно возразил Царев, убирая катану в футляр с иероглифами.

– Да, я вижу, дело действительно носит характер безотлагательной срочности! Сначала фельдгегеря носят здесь как угорелые со своими секретными пакетами, потом вы, Рихард Евгеньевич, неспешно рассуждаете о священных заповедях; «тихо-тихо ползи улитка по склону Фудзи...»¹⁴Какая

¹⁴ Кобаяси Исса.

чушь эти хайку! «Рожденный ползать летать не может»¹⁵ звучит куда как поэтичнее и вдохновляет на героический подвиг. Я не признаю свою вину и теперь начинаю понимать, что все это из-за Веры Павловны, – почувствовав, что гроза прошла стороной, нахально заявил Изотов, всем своим видом демонстрируя склонность к независимому суждению о самых сложных вопросах мировой культуры и философии.

– Верочка, попросите принести мне и Рихарду Евгеньевичу чаю и бутербродов из буфета, а Павлу Николаевичу попросите ничего не приносить, – сказал Царев, придав голосу подобающую моменту строгость. – И чтобы нас никто не беспокоил, – прикрикнул он вдогонку шмыгнувшей за дверь кабинета секретарше.

Все трое мужчин немедленно настроились на деловой лад. И Изотов, и Царев прекрасно понимали, насколько серьезно положение, в котором они оба сейчас оказались. Не только погрешности, закрывшиеся в расчеты, были этому причиной. По тем данным, которые стали доступны сидевшему напротив и вежливо улыбавшемуся Рихарду Евгеньевичу, получалось, что еще минимум две неизвестные и могущественные структуры следили за проектом URPE. Возможно, ситуация подлежала коррекции, а возможно, нет. В любом из вариантов спокойное, размеренное течение времени прекращало свое существование. Наступало время авралов и работы против часовых стрелок.

¹⁵ Максим Горький.

Из пояснений, сделанных куратором, получалось, что военные контрразведчики ВМФ заметили подозрительную активность со стороны неизвестных им транснациональных корпораций как раз в зоне исследуемого институтом Царева туннеля. Поначалу не придав этому кейсу важного значения, служба занималась сбором и анализом материала в обычном порядке, не раздувая из события сенсации и рассчитывая справиться собственными силами. Только получив стопроцентные доказательства присутствия иностранной резидентуры на Крымском полуострове и необычности происходящих событий, они доложили на самый верх. Сложить два полюс два оказалось совсем просто, и руководство Рихарда Евгеньевича было вынужденно забить тревогу.

– Что уже успели сделать военные? – постепенно отходя от шока, вызванного только что услышанной информацией, поинтересовался Сергей Николаевич Царев.

– Они отправили в Коктебель, поближе к горному массиву Кара-Даг, группу боевых пловцов, – простодушно разведя руки в стороны, ответил Рихард Евгеньевич.

– Кого?! – не скрывая удивления, поинтересовался Изотов.

– Пловцов, боевых пловцов. Они предполагают, что змей – это вид психологического оружия, разрабатываемый силами японского технологического комплекса. Они даже перечислили ряд наиболее вероятных корпораций, причастных к разработке. Пловцы должны были проявить или устойчи-

вость или неустойчивость своей психики при встрече с так называемым Карадагским змеем, – закончив говорить, куратор налил себе еще чая, демонстрируя собранность и готовность к решительным действиям.

– Мощно! Вполне объяснимое заблуждение. У нас в самом начале была версия, что оптическое видение змея – это выпадение материи из недоступных нашему сознанию измерений в привычное для человеческого восприятия трехмерное пространство, – пояснил Царев.

– Ну знаете, я тут полностью на стороне военных. В конце концов, их никто не ставил в известность о проводимых работах в зоне их ответственности, и при этом они смогли не только обнаружить аномалии, но и выявить присутствие иностранной разведки, – возразил ему Рихард Евгеньевич.

– Без военной контрразведки мы бы так и продолжали свои изыскания, не понимая, на чью мельницу мы льем воду, – резонно заметил Павел Николаевич Изотов.

– Наши дальнейшие действия? – Царев задал вопрос напрямую куратору, посчитав сейчас неуместным ввязываться с Изотовым в перепалку об истинных причинах столь позднего обнаружения посторонних на поле научных изысканий.

– Мы с вами вылетаем в Крым для координации действий с военной контрразведкой по обезвреживанию шпионской резидентуры, – подводя итог всему сказанному, ответил ему Рихард Евгеньевич.

– А этот? – Царев кивнул головой в сторону притихшего

Павла Николаевича.

— Раз разговор идет об уничтожении, без Изотова нам не обойтись, — рассмеялся куратор.

Ровно через час в черное небо подмосковной ночи поднялся борт спецрейса Москва — Симферополь. Все присутствующие в салоне постарались вздремнуть хоть пару часов, зная наверняка, что после приземления о такой роскоши не сможет идти и речи.

* * *

Ожидание затягивалось. При той поспешности, с которой они прибыли сюда, в штаб планируемой операции, о сущности которой им были известны только отрывочные детали, почти часовое стояние в коридоре обескураживало. Ушаков переглядывался с Володией Башкирцевым, и оба они то и дело бросали вопросительные взгляды на своего старого товарища и новоиспеченного командира Егора Иноземцева. Сама обстановка вокруг магической двери, возле которой они томились в ожидании разъяснения их непосредственного задания, становилась все оживленнее. В нее входили и выходили младшие и старшие офицеры, с чувством явного превосходства смотревшие на одетых в штатское ребят, томящихся в ожидании, очевидно, по причине недостаточной важности задачи, которая может ими решаться. Только выработанная за время службы привычка к дисциплине помогала удерживать

жаться им от бессмысленных вопросов типа «чего мы здесь вообще ждем». Бессмысленных, потому что ждали они самолет из Москвы, на котором должны были прибыть Рихард Евгеньевич, человек, курировавший этот проект со стороны администрации, и руководство секретного института в лице его директора Сергея Николаевича Царева и его заместителя по безопасности Павла Николаевича Изотова. Конечно, заставлять ждать молодых моряков, от которых вскоре будет зависеть если не весь успех, то большая часть происходящего сегодняшней ночи, было неразумно. Объяснялось это тем, что на капитана второго ранга, того самого, с кем все это время поддерживал связь Егор Иноземцев, одновременно навалилось слишком много срочных проблем. Занятый их первоочередным решением, он отложил заботу о более комфортном размещении боевых пловцов на потом.

К полуночи гостиница, в которой, по мнению военных, размещалась штаб-квартира японской резидентуры, была взята в непроницаемое кольцо. Также были обнаружены фрагменты тела убитого ими водолаза Николая Старикова, на свою беду ставшего информатором. Дело оставалось за малым. Ждали самолет из Москвы. Команда, поступившая на этот счет, не оставляла никаких сомнений в последствиях от ее неправильной интерпретации.

За все время ожидания мимо Ушакова и его товарищей не прошел ни один человек, одетый по гражданке. Увидев на другом конце коридора приближающихся к ним Царева,

Изотова и Рихарда Евгеньевича, ребята подумали, что если вновь прибывшие пройдут вперед них, то все это затянется надолго. Так и произошло. Не ожидая приглашения, все трое зашли внутрь. Егору Иноземцеву осталось только, словно извиняясь, незаметно пожать плечами. Однако на этот раз их расчеты не подтвердились. Меньше чем через минуту дверь снова распахнулась, и капитан второго ранга, лично окликнув Иноземцева, предложил всем, включая сопровождавшего парней лейтенанта, зайти внутрь импровизированного кабинета. Москвичи, расположившиеся за продольным столом для совещаний, внимательно рассматривали вошедших. К удивлению не только Иноземцева, но и всех остальных, место председательствующего уверенно занял один из прибывшей троицы, а именно высокий человек с характерной сутулостью, выдающей в нем волейболиста.

– Итак, это и есть те самые боевые пловцы, которые должны были проверить на прочность Карадагского змея, я правильно понял изложенную диспозицию? – обратился Царев, не раздумывая занявший место ведущего совещание, к Рихарду Евгеньевичу.

– Именно они, Сергей Николаевич, именно они, – подтвердил куратор, ему не очень понравилось самоуправство Царева в выборе мест за столом совещаний, но, понимая, что реально принимать правильные решения в сложившейся обстановке может только ученый, сдал позиции без боя.

– Тогда давайте знакомиться, – предложил Царев, бросив

короткий цепкий взгляд на всех присутствующих одновременно.

– Капитан второго ранга Моисеев Андрей Валентинович, военная контрразведка флота. Остальные присутствующие здесь – наши сотрудники. Я представлю их вам по именам и позывным, которыми мы будем пользоваться в ближайшие двадцать четыре часа для их идентификации, – отрапортовал хозяин кабинета. Он назвал всех ребят по очереди, начиная с Иноземцева с Масловым и заканчивая Ушаковым с Башкирцевым. Для простоты он присвоил им номера от единицы до четверки в соответствующем порядке.

– До начала совещания я как представитель администрации считаю необходимым отметить высокоэффективную работу вашего ведомства и лично ваше участие в обнаружении вмешавшихся в исследования института иностранных ведомств, товарищ Моисеев, – заявил Рихард Евгеньевич, очевидно предвидя возможность недопонимания между ним и Царевым.

– В вашу задачу входило обнаружение Карадагского змея, я правильно понимаю? – спросил Изотов, по привычке довольно бесцеремонно глядя в упор на зардевшегося от похвалы Моисеева.

– Господь с вами, батюшка! Никак нет! В мои задачи входило и входит по сей час всего лишь обнаружение присутствия иностранных агентов в тех местах, где быть им никак не положено, – парировал капитан второго ранга, мгновенно

подобравшись и готовый защищать свою территорию от нападков московских выскочек.

– Обнаружили? – стараясь быстрее перейти к делу, перевел разговор в практическую плоскость Рихард Евгеньевич.

– Их база окружена. Они пытались избавиться от трупа убитого ими водолаза Николая Старикова, разделив его на фрагменты. Все фигуранты, принимающие участие в этом мероприятии, вернулись в гостиницу «Мираж» и больше ее не покидали.

– Это прекрасно, однако мы не можем перейти к полноценному обсуждению возникшей коллизии в присутствии этих четырех, точнее, пяти молодых людей, – поставил вопрос ребром начинавший злиться Изотов. Он специально, назло контрразведчику приплюсовал к одетым в штатское боевым пловцам сопровождавшего их лейтенанта в форме военного моряка.

– Почему же? – удивленно воскликнул Моисеев, немного картинно разведя руками. – Если вас интересует Карадагский змей, это как раз к ним. Именно их группе было негласно поручено оценить силу воздействия этого психологического оружия, разработанного самурайскими корпорациями.

– Какой у них уровень секретности? – спросил Царев, обращаясь одновременно к капитану второго ранга Моисееву и сидевшему от него по левую руку Рихарду Евгеньевичу.

– Сегодня они все вернулись на службу, – вступился за

своих сотрудников Моисеев.

– Этого недостаточно, – уверенно произнес Изотов, довольный возможностью показать свою власть, распространяющуюся по всем уголкам вселенной.

– Согласен с тобой, Павел Николаевич, но у нас нет выбора, – немедленно отреагировал на слова своего заместителя начинавший уставать от ненужных деталей директор.

– Тогда подпишите вот такие формы, – не тратя времени на возражения и высказывание сомнений, приказал Изотов, одновременно доставая из своей неизменной папки листки бумаги с мелким текстом и местом для персональных данных.

Заполнение форм и утряска еще пары формальностей, возникших в процессе этого мероприятия, заняла не более пяти минут. Собрав у вновь получивших допуск к секретам подписанные ими формуляры и убрав их обратно в свою пиджонскую папочку, Изотов снова расположился за столом рядом с Царевым. Все присутствующие приготавились внимательно слушать и запоминать реальную версию происходящего, когда единственный аппарат связи, стоявший на тумбочке, немного в стороне от общего стола, начал выдавать тревожные трели. Моисеев подошел к телефону и снял трубку. Даже людям, незнакомым с навыками чтения психомоторики лицевых мышц, глядя на капитана второго ранга, стало бы ясно, что произошло нечто трагическое. Прикрыв микрофон ладонью и все так же прижимая трубку к своему уху,

он, повернувшись к столу, смотрел на спокойно сидящего рядом с остальными Севу Маслова.

* * *

Тяжелый внедорожник, повинаясь инерции, приобретенной в процессе погружения в подземелье, сжал рессоры почти до максимума; потом, на мгновение остановив свое движение в мертвой точке, кабина его снова качнулась вверх, следуя за усилением амортизаторов. Водитель запустил двигатель, и машина, выехав из лифта, проследовала вперед по какому-то туннелю. С Нины снова сняли балахон. Проехав совсем немного, внедорожник опять остановился, очевидно, прибыв к месту своего назначения. Сидевшие рядом с ней на заднем сиденье люди обменялись между собой короткими фразами на непонятном Нине языке. Затем один из них, выйдя из автомобиля, помог выбраться и ей, что после всего произошедшего было довольно любезно с его стороны. Нина посмотрела на японку, стоявшую теперь рядом с ней. Они были приблизительно одного роста, обе весьма сексапильного телосложения, с той лишь разницей, что азиатка выглядела старше и спортивнее. Надетые на нее черная футболка и черные джинсы с черными кроссовками делали ее похожей на ниндзю.

– Пойдем, я провожу тебя туда, где тебе придется провести некоторое время, – обратилась она к Нине.

– Но это незаконно, вы не можете держать меня здесь насильно. Меня будут искать, – ответила Нина, в глубине души понимая, насколько смешно сейчас звучат ее слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.